

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ВАЛЕНТИН ЛАВРОВ

Граф Соколов

Валентин Лавров

**Страсти роковые, или Новые
приключения графа Соколова**

«Центрполиграф»

2000

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

Лавров В. В.

Страсти роковые, или Новые приключения графа Соколова /
В. В. Лавров — «Центрполиграф», 2000 — (Граф Соколов)

ISBN 978-5-227-07906-0

Потрясающая история о придворных интригах и страстной любви, о шпионаже и доблести, о женской нежности и мужской силе. В центре событий – атлет-красавец граф Соколов и фрейлина-шпионка Мария Васильчикова, императрица Александра Федоровна и государь Николай II, загадочный Григорий Распутин и его коварный убийца Феликс Юсупов. В основе – подлинные события, происходившие в годы Первой мировой войны в канун крушения Российской империи.

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

ISBN 978-5-227-07906-0

© Лавров В. В., 2000
© Центрполиграф, 2000

Содержание

Глава I	7
Герাকловы подвиги	7
Приглашение в «Яр»	8
Бюст Пушкина	11
Глава II	12
Угорь на веревочке	12
Теплая встреча	14
Епитимья	17
Застолье	18
Подозрительное исчезновение	20
Печаль сердечная	22
Молчаливое согласие	23
Глава III	25
Высочайшее повеление	25
Царский порученец	26
«Ратные подвиги»	27
Задуманная беседа	30
Дворцовые новости	31
Секретный рапорт	32
Позы святого старца	33
Уловка императрицы	34
Глава IV	35
Царственный гнев	35
Государственная тайна	38
Сепаратное предложение	39
Смертельное задание	42
Глава V	44
Веселая езда	44
Исчезнувшие жены	45
Немецкая точность	46
Плетеная корзина	48
Мазуринская богадельня	49
Уютное местечко	51
Зверский аппетит	52
Глава VI	56
Тайное проникновение	56
Чердачная тайна	57
Приятный сюрприз	60
Последние утхи	63
Глава VII	65
Ледяная купель	65
Наружный осмотр	67
Неприятность	70
Глава VIII	72
Служебное рвение	72
Пиво для барона	73

Помешательство	76
Пределы человеколюбия	79
Следы злодейских рук	82
Глава IX	84
Под тюремными сводами	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Валентин Викторович Лавров

Страсти роковые, или Новые приключения графа Соколова

© В.В. Лавров, 2019

© «Центрполиграф», 2019

Эта захватывающая дух история, замешанная на амурных интригах, ловком шпионаже и высокой политике, произошла в годы Первой мировой войны. То, о чем идет речь в книге, возможно, определило историю Европы на весь XX век.

Впрочем, наши события еще раз напомнили: любящая женщина пойдет ради страсти на любой подвиг, на самую большую жертву. Особенно если предмет вожделения – знаменитый атлет-красавец, гений сыска граф Соколов.

Глава I

Распутин в тревоге

Герাকловы подвиги

Огромная людная Москва была полна весеннего солнца, звона колоколов и конок. Снежные сугробы с поразительной быстротой успели превратиться в веселые журчащие ручейки. Прозрачная вода, прежде чем скрыться в черноте решетчатых сливов, старательно омывала булыжники мостовых. Коляски и телеги уже вторую неделю сменили полозья на колеса.

Глядя на толпы нарядных пешеходов, заполнявших улицы, трудно было представить, что уже восемь месяцев где-то изрыгают пламя пушки. Мужья и сыновья, покинув под бабьи вопли отчий кров, навсегда ложились в землю. Под беснующиеся крики патриотизма, любви к фатерланду, или отечеству, шла человеческая бойня, мировая война.

* * *

Соколов, понятно, не стал отсиживаться в тылу. Поцеловав жену Марию и двухмесячного крепыша-сына Ивана, который радостно и беззубо улыбался отцу, гений сыска отправился на передовую. Воевал в Восточной Пруссии. Был командиром охотничьей команды, то есть разведчиков. Любил ходить за «языком» в одиночку. И с пустыми руками никогда не возвращался.

Однажды граф взял в плен германского пехотного генерала и двух его адъютантов. По этому случаю и для поднятия героического духа была выпущена листовка, в которой восхвалялся сей Гераклов подвиг. С восторгом писали об этом и газеты.

Гений сыска был награжден золотым Георгиевским оружием.

Но награду получить не успел.

Однажды, незадолго до провала русских войск под Августовом, поход графа в тыл закончился печально. Враги обнаружили разведчика. И решили взять его живьем. Гений сыска бился отчаянно. Когда в револьвере кончились патроны, а нож был выбит из руки, Соколов продолжал крушить врагов кулаками – уложил с десятков человек. Результат: три сквозных пулевых ранения, резаная рана плеча – след вражеского штыка.

Графа Соколова, полуживого от потери крови, замкнули в подвале кирхи. Было ясно: пленный не только бежать – жить вряд ли сможет. Однако немцы, уважая порядок, приставили стражника.

Среди ночи вдруг оживший Соколов не только высадил дубовую дверь, но еще пленил своего сторожа и заставил тащить себя в расположение наших частей.

Легендарный генерал Самсонов подписал еще одно ходатайство – о награждении графа Аполлинария Соколова орденом Св. Георгия IV степени.

Соколов для излечения был эвакуирован в тыл.

Это случилось в начале января 1915 года, в канун несчастного наступления в Восточной Пруссии. Хотя Соколов быстро окреп, но медицинская комиссия вынесла решительный вердикт: «Отправить в действующую армию по состоянию здоровья не представляется возможным».

Приглашение в «Яр»

Теперь, сидя в своей просторной квартире, выходившей окнами на великолепной архитектуры Красные ворота, герой войны и гений сыска допивал чай и просматривал военные сводки в утренних газетах.

Солнце золотым снопом било в широкие окна. Графиня Мари приспустила тяжелые шелковые шторы. Потом поцеловала мужа в макушку и озабоченно произнесла:

– Пора кормить Ванюшку! – и отправилась в детскую, где тихо посапывал их крошечный сын.

Двери кабинета были распахнуты на обе створки. Грудастая Лушка, вооружившись перьевым опахалом на длинной палке, смахивала с массивных золотых рам несуществующую пыль. Рамы заключали картины Кипренского, Левитана, Перова, Клевера, Виноградова и вошедшего в большую моду Василия Polenova.

Зазвонил телефон.

Лушка сняла трубку, деловито полюбопытствовала:

– Але, кого вам прикажете? Как? Сей миг доложу! – Заторопилась в столовую. Она с удивлением произнесла: – Простонародный мужик какой-то. Дескать, скажи барину, что спрашивает Стенька Разин.

Соколов на краткое мгновение задумался, но тут же усмехнулся. Отложив газету, последовал в кабинет, бодро произнес:

– Ну, Стенька Разин, а я думал, что тебе давно голову отрубили!

В трубке он услышал знакомый глуховатый голос:

– Типун тебе на язык, граф! Голова моя на месте, да кругом идет. Узнал меня? Это я, Григорий Распутин. Не забыл, как с тобой шампанское пили у меня на Гороховой?

Соколов улыбнулся:

– С закуской тогда было скудно.

– Ты еще немцем прикинулся, назвался Штакельбергом. А я как увидал, что ты под шампанское хрумкаешь соленые огурцы, вмиг тебя раскусил. Так только природный русский может, а немец бы конфеткой зажевал. – Вдруг с обидой произнес: – Я тебе любимую женщину отдал – познакомил с Верой Аркадьевной. А мне горько, потому как в тебя влюбилась и меня сразу забыла.

– Для женщины прошлого нет! – философски заметил Соколов.

(Читатели «Железной хватки» помнят, что Вера Аркадьевна – супруга важного чиновника германского министерства иностранных дел. Она пылала страстью к Соколову и снабжала его секретными документами. Когда женщина любит, она и жизни своей не пожалеет, не то что секретную информацию из сейфа постылого мужа.)

Распутин напористо продолжал:

– За мое доброе дело обещаю подмогу...

Соколов удивился. Все свои делишки Распутин решал с помощью императрицы. Та ни в чем отказывать ему не умела.

– Что стряслось, Гриша?

– По телефону объяснять несподручно. Ты, граф, приезжай нынче ужинать в «Яр». Погуляем, и там я тебе все в подробностях опишу. Только обязательно, слышишь?

– Постараюсь.

Распутин настойчиво повторил:

– Не подведи, милый человек, потому как дело самое серьезное. Горе такое, что хожу сам не свой.

– Хорошо, к полночи буду! – заверил Соколов, повесил трубку и крутанул ручку, дав отбой.

Бюст Пушкина

«Яр», среди прочих московских ресторанов, выделялся не только шумными купеческими загулами, но и богатой историей. Название его шло от первого владельца, француза по фамилии Яр. Он открыл ресторан на Кузнецком Мосту еще в 1826 году.

Чем-то приглянулась москвичам французская задумка. Гулянки здесь такие начались, что пыль столбом закрутилась. И все на виду полиции и горожан – срам, да и только. Зато полицейские стручки не уставали протоколы корябать и деньги штрафные огребать.

Француз, ободренный успешным ходом дел, для наиболее размашистых натур устроил в ближнем пригороде филиал «Яра» – в Петровском парке. А вскоре и вовсе тут обосновался: место для гульбы глухое, лесистое, от строгих глаз подальше.

Украшением «Яра» стал цыганский хор, а руководил им знаменитый Илья Осипович Соколов. Все поколения содержателей «Яра» любили показывать пушкинский кабинет с бюстом. Они живописали: Александр Сергеевич-де любил сюда заглянуть, хор послушать да с цыганками ночь прокутить. Так это или нет, неизвестно. Но стихи пушкинские остались:

И с телятиной холодной
Трюфли «Яра» вспоминать...

Достоверно известно об анекдотическом происшествии, случившемся в 1843 году со знаменитым Ференцем Листом. В Москве у него была гастроль. По приезде в Белокаменную для начала заглянул маэстро в «Яр» и... обо всем на свете забыл, заслушался – цыганское пение заворожило.

Давно известно, что под цыганскую песню и пьется, и закусывается с особым аппетитом. Ну и опоздал на свой же концерт.

* * *

В 1911 году «Яр» был перестроен. Теперь тут возник настоящий дворец с громадными окнами, балконами, с изумительной красоты расписанным потолком, с летним садом, гротами, фонтанами, каскадами вод и с искусственной горой. Замечательно тут гулялось, душевно выпивалось!

Просторный зал «Яра» и его многочисленные интимные кабинеты заполнялись после театрального разъезда – около полуночи.

Богатые кутилы швыряли цыганкам ассигнации, с душевным восторгом били хрусталь и по счетам оставляли громадные капиталы.

Оборотистый ресторатор Судаков жаловался на скудность прибытков, но почему-то его банковские счета баснословно увеличивались.

И для прилипал газетчиков это было весьма хлебное место. Слава Господу, безобразия здесь случались ежедневно.

Гулены, чтобы не попасть в скандальную хронику, выкладывали шелкоперам не одну сотню рублей. Другие, у которых труба пониже, а дым поуже, напротив – отстегивали червонцы того ради, чтобы их имя промелькнуло на газетной полосе. Слава, как свеча мотыльков, тянет неудержимо...

Вот в это замечательное место и стремился ночной порой наш славный гений сыска Соколов.

Глава II

Страна неуклюжая

Угорь на веревочке

Когда Соколов появился в зале, тот был забит до предела. Среди сытых лиц в штатском то тут, то там выделялись невесты откуда припершиися в Москву восточные типы. Немало людей было в военной форме. У молоденького поручика с новеньким Георгием была забинтована голова.

На сцене неистовствовали сисястые цыганки. Все шумело, двигалось, хрусталь звенел, стучали серебряные приборы, ловко скользили с подносами лакеи, которых теперь было положено называть официантами.

Гуляющие дружно повернули головы в сторону знаменитого графа. Как всегда в таких случаях, по залу пронеслось:

– Соколов, сам Соколов! Гений сыска пожаловал...

Сыщика сопровождал метрдотель. Звали его Фока Спиридонович. Он угодливо семенил впереди, покачивая раскормленным брюхом:

– Сюда, прошу! Григорий Ефимович сидят за столиком вон под той пальмой...

– А почему не в кабинете?

– В кабинете их девицы ждут. А сам Григорий Ефимович приехали, увидели писателя Горького и вместе остались. Теперь, извольте видеть, старец развлекается...

И впрямь возле столика, на который указал метрдотель, по непонятной причине сбились посетители «Яра». Неслись дикий хохот и крики:

– Вот так! Поглубже ему, поглубже!..

Соколов поднял бровь:

– Что за веселье?

Фока Спиридонович выпятил нижнюю губу:

– Не извольте обращать внимания! Григорий Ефимович, как им положено, выпили и уже в кураже. Сначала публику веселили: привязали на веревочку копченого угря-с и – хи-хи! – в аквариум его опускали, а после того на чужие столы клали. А еще по всей зале, как животное, по полу возили-с. Обычное явление! Публика ненужное любопытство проявляет, толпится. Нынче ресторану опять-с без протокола не обойтись.

Толпа вновь зашлась гомерическим хохотом, кто-то озорно свистнул.

Соколов раздвинул любопытных.

В середине стола в дорогом костюме от Жака сидел с прямой спиной Горький. Он саркастически смотрел на Распутина и важно мусолил длинными сильными пальцами папиросу.

Рядом с Горьким расположился полноватый господин лет сорока пяти, в золотом пенсне и в сильно лоснящемся от давнего употребления фраке – писатель Степа Петров, известный читающей публике как Скиталец, якобы большой друг Алексея Максимовича. На коленях Скиталец держал гусли звончатые, струны которых с самым раздумчивым видом пощипывал.

По правую руку от интендантского полковника откинулась на резную спинку кресла молодая, полная жгучей красоты брюнетка. Она курила папиросу и с презрительной улыбкой взирала на разыгрывавшийся спектакль.

Соколов подумал: «Прав Иван Бунин: блондинки красивее брюнеток, но брюнетки возбуждают сильнее».

Душою захватывающего дух зрелища был Распутин. Высоченного роста, облаченный в расшитую шелковую рубаху розового цвета, в мягких козловых сапогах, он, похохатывая, возился с интендантским полковником.

– Вот тут водяной гадюке самое место! – Распутин старательно пытался засунуть полковнику за пазуху форменного мундира жирного угря, приговаривая: – Будешь у меня знать, будешь знать!

Полковник, коренастый, с большой розовой плешью, истерично хохотал, извивался всем телом, отмахивался и вообще стремление старца пытался свести к шутке:

– Григорий Ефимович, а угорь не кусается? Ну, будет, право...

– А зачем приперся без спроса?

Брюнетка низким голосом, какой всегда бывает у давно курящих женщин, стала увещевать:

– Святой отец, прошу вас, оставьте Отто Ивановича... Поиграли и хватит! Публика собралась, стыдно...

Невысокого роста вертлявый человечек с подбрityми в ниточку усиками, чем-то неуловимо похожий на какую-то букашку, угодливо хихикая, норовил за руки удержать полковника. Соколов узнал в человечке московского корреспондента «Петроградских новостей» Николая Соедова, мелкого шулера и страстного почитателя Распутина. Тут же суеился Судаков – содержатель «Яра». Он увещевал любопытных:

– Уважаемые, к вам этот *разговор* никакого отношения не имеет. Пройдите к своим столикам!

Брюнетка заговорила просящим тоном:

– Григорий Ефимович, давайте всей компанией в кабинете уединимся!

Не выпуская из рук угря и полковника, Распутин малость перевел дыхание:

– У меня такое расположение духа – гулять на людях желаю!

Вдруг, грозно стуча о пол тростью, сильно припадая на ногу, к столу приблизился поручик с забинтованной головой. Он замахнулся тростью на Распутина и заорал на весь зал:

– Прекр-ратите, гнусный интриган! Вы прячетесь в тылу, но обязаны уважать мундир. Россия стонет от ваших выходок, вы ее погубитель...

Распутин зло дернул головой, угря вместе с веревочкой швырнул на пол. Он выпрямился во весь рост, глаза его потемнели, лицо вмиг заострилось, стало хищным. Он пошел на поручика, зашипел:

– Тебе, дураку, кажись, все мозги из башки высадили? Убью!

Еще мгновение – и завязалась бы драка. Но в этот момент двое в штатском высочили из соседнего столика, схватили под руки поручика и ловко потащили куда-то из зала.

Публика с любопытством наблюдала за происходящим.

Теплая встреча

Соколов уцепился громадной ручищей за плечо Распутина, строго произнес:

– Григорий, а ты скандалист!

Распутин дернул головой и вдруг расплылся в широкой улыбке, показав крепкие лошадиные зубы.

– Здравствуй, граф! – Медленно потянул край скатерти, отчего полетела на пол тарелка с салатом оливье, вытер о ее угол руки и полез обниматься. – А у меня, граф, нынче такое расположение, что хочу с горя назюзюкаться. – Вдруг осекся, обведя темным ненавидящим взглядом любопытных: – Кыш, пиявки! Пошли отседова в свое место. Отдохнуть не дают. Лезут, лезут...

Горький поднялся с кресла, обеими ладонями потряс руку Соколова, проокал:

– Очень рад, Аполлинарий Николаевич! Давно не виделись. Последний раз, помнится, в тринадцатом году в петербургской «Вене» гуляли. Право, словно сто лет прошло, души наши исковеркались, постарели, – вздохнул, назидательно произнес: – Тогда все спорили, спорили... О чем? Оказалось, так, ни о чем, о пустяках и ерунде, которые тогда казались очень важными. Так и жизнь наша на поверку выходит: то, из-за чего убиваемся ныне, завтра яйца выеденного стоять не будет. Вот как, господа! Об этом всегда надо помнить.

Соколов радушно улыбнулся:

– А спорили потому, что русский человек, когда водку пьет, обязательно должен спорить – не важно о чем. А иначе какой резон пить? Если же звания простого, так и подраться не грех, озорства и удали ради.

– Или угря соседу за пазуху засунуть! – усмехнулась брюнетка.

Все улыбнулись.

Горький вздохнул:

– Эх, Россия, страна неуклюжая! Чего только мы не выделяем, как не выкобениваемся, и все только из скуки.

Епитимья

Распутин потянул за рукав Соколова.

– Ты, граф, знаком? – кивнул на полковника, поправлявшего мундир. – Это Отто Иванович Дитрих. Читал газеты? Свидания с императрицей только что удостоился. И все это я предоставил, все моим усердием.

Дитрих, покрасневший от борьбы, вытирал салфеткой китель. Он поднялся с кресла и вежливо поклонился.

Распутин, не обращая внимания на публику, громко говорил:

– Ты думаешь, чего хочет Дитрих?

– Откуда мне знать, – равнодушно сказал Соколов.

– Он хитрый, руки желает погреть – добывается поставок в армию нижнего белья. И большого количества! Вот подослал ко мне свою жену Зинаиду, – кивнул на брюнетку.

Соедов, до этого момента хранивший молчание, угодливо усмехнулся:

– Видать, известны ваши пристрастия, Григорий Ефимович!

– Что ж, Зина – дама красивая, мясистая. Глянь, груди у ей какие! Теперь за миг свидания терплю страдания. Я уже совсем собрался телеграмму министру Сухомлинову отбить. Меня Владимир Александрович слушает, чего ни попрошу, обязательно выполняет. А коли не министр, сам папа сделает, только сказать надо, – погрозил брюнетке пальцем. – Но теперь помогать Дитриху не стану.

– Что так? – удивился Соколов.

– Я ее одну позвал, а она что учудила? Со своим мужиком приперлась, с Дитрихом.

Горький, с трудом сдержав смех, самым серьезным тоном спросил:

– А с кем же даме приходиться, как не с мужем?

Распутин оторопело взглянул на Горького, покачал головой:

– Да зачем мне ее мужик? Я ведь не Феликс Юсупов. Я к мужикам интереса не имею. Вот за это я ему утря... – Обратился к Зинаиде: – Хороша! Где ж твоя совесть? Просить меня о деле приехала, а сама... Срам, да и только! Ох, как нынче народ обнахалился, ни стыда, ни совести! Тьфу! Теперь я ничего для тебя не сделаю, хоть ты ноги мне целуй.

Зинаида от досады покраснела, стала старательно тушить папиросу. С возмущением произнесла:

– Я вообще не понимаю нынешнего распутства! Поглядишь на некоторых дам – задирают юбку перед каждым встречным. Стыд! Семейный альков – это святыня. – Строго посмотрела на Распутина: – Неужели вам, святому старцу, наша грешная плоть нужна?

Распутин нашелся моментально:

– А это я на себя такую епитимью наложил! Один власяницей плоть укрощает, другой веригами пудовыми бренчит, а я бесовской сковородкой – женской прелестью, желания разжигающей, – не брезгую, себя удручаю, терплю.

Горький расхохотался:

– Ох, «терпеливый»! Дьявола в ад загоняет, ха-ха!

Брюнетка ядовито усмехнулась:

– Хотя святой отец «Декамерона» в руки не брал.

Распутин дернул плечом, укоризненно покачал головой.

– Слава Богу, не на тебе, Зинаида, свет клином сошелся, не у тебя одной женские соблазны есть. У меня своих барыnek хватает, которые балуют меня и ни в чем не отказывают. А только твой Дитрих теперь подрядов не получит. Вот ему! – Он показал фигу.

Дитрих покраснел от досады и утупил взор в блюдо с устрицами.

Застолье

Распутин повернулся к Соколову: – Чего не пьешь?

– Тебя заслушался.

– Сейчас, как в мирное время, опять только о тебе, граф, разговоров. Герой! Что для разгону – шампанского? Или сразу водочку под селедочку? Эй, Судаков, потрафи! Сам героический граф Соколов тебе, дураку, честь сделал – пожаловал. Граф, пей да людей бей!

Ресторатор Судаков с привычной ласковостью улыбнулся.

– Гулять вам, господа, да не устать! – Кивнул лакеям: – Ну, орлы, одна нога тут, другая на кухне! – Это была ресторанная присказка. – Вам, Аполлинарий Николаевич, на второе горячее, как всегда, фаршированную икрой и крабами паровую стерлядку? А на горячую закуску желаете розовый лосось в раковине? Можно и крабы запеченные. А еще рекомендую-с крокеты из домашней птицы с мадерой под белым соусом...

Соколов махнул рукой.

– Неси, неси! – Перевел вопросительный взгляд на Распутина: – Ты, Гриша, для какой нужды меня позвал?

– Ох, граф, дело такое обидное, что и не знаю, как высказать. Одно слово: гром-то не из тучи гремит!

Лакеи поставили холодную закуску: ведерко черной икры – зернышко к зернышку, янтарную малосольную лосось, крепкие шляпки соленых белых грибов, свежую редиску в сметане, нежинские крошечные огурчики.

– Судаков, я предпочитаю мадерой восхищаться. Прикажи, чтобы наилучшую предоставили. – Распутин строго погрозил пальцем.

Ресторатор угодливо ощерился, скороговоркой забормотал:

– Это, святой отец, нам известно доподлинно! Вот отличная, виноградников Царской дачи. А из этой бутылочки замшелой нашему Алексею Максимовичу французское «Марго» 1858 года урожая-с.

Ресторатор умолчал, что эта замшелость стоила дороже тройки крестьянских лошадей.

Горький пригубил, прикрыл веки, сладострастно почмокал губами:

– Восторг души! Аполлинарий Николаевич, почему вы красное вино не пьете? Вот «Марго» – изумительно густое, душистое, букет божественный!

– Мне не по средствам! – отшутился сыщик.

Заметим, что знаменитый пролетарский писатель употреблял исключительно красные французские вина и только хороших урожаев.

Горький вдруг поднялся во весь долгий рост, задумчиво почесал утиный нос в веснушках, широкими ноздрями втянул воздух и, покашливая, заокал:

– Война – это испытание тяжелое, она собирает богатый урожай на своих кровавых полях. Бездарные правители погнали русских людей в огненное пекло, откуда многим возврата нет. И тем более я рад снова сидеть за одним столом с доблестным защитником Отечества графом Соколовым. Позвольте, Аполлинарий Николаевич, забыть былые споры и выпить за ваши ратные подвиги.

Соколов решительно возразил:

– Да простит меня Алексей Максимович, давайте выпьем за великого и бесстрашного русского воина, за нашу грядущую победу!

Горький отчаянно замахал рукой.

– Когда безнадежно заболел какой член, этот член безо всякой жалости ампутируют. Вы уверены, что лучшее для России – победа и укрепление гнилого самодержавия? Я думаю, спасительней поражение. Нет, не стоит лечить отживший самодержавный строй. – Горький

решительно взмахнул рукой, стукнул ребром ладони по столу, так что бокалы подпрыгнули. – Отсежь его к чертовой матери, и делу конец. Долой сытое мещанское благополучие! Огнем и мечом выжечь его...

Распутин укоризненно покачал головой:

– Война и революция – дела самые богопротивные! Надо страсти укрощать, а не разжигать злобу промеж народами или сословиями.

Скиталец поднял бокал, нетрезвым голосом протянул:

– Чушь! А где, святой отец, позвольте узнать, ваш, ик, ну, этот... патриотизм? Мы, истинно русские люди, бьемся, жизнью не жалея, ик, за, так сказать, за матушку-свободу и прогрессивные перемены! Алексей Максимович, за тебя, благодетель ты наш! – Он хотел обнять Горького, но, увидав каменное выражение лица, не решился. Опрокинул в горло водку, упал в кресло. Затем щипнул струны гуслей и неестественно высоким фальцетом затянул на весь зал, благо у цыган наступил перерыв:

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно...

Это была песенка из пьесы «На дне», и в присутствии автора исполнять ее считалось обязательным.

Подозрительное исчезновение

Распутин всем туловищем повернулся к Соколову. Дыхнув в ухо, спросил пониженным голосом:

– Граф, ты знаешь Эмилию Гершау?

Соколов спросил:

– Жена полковника, который служит в управлении московского генерал-губернатора?

Он вспомнил, что его давняя подруга Вера Аркадьевна фон Лауниц, супруга крупного германского чиновника, при последней встрече в минувшем феврале осведомила, что этот самый полковник Генрих Гершау якобы служит германской разведке. Соколов рапортом известил об этом начальника московской охраны Мартынова. Далее он этой историей не интересовался.

И вот теперь Распутин, попивая мадеру, задушевым голосом рассказывал:

– Да, эта самая Эмилия Гершау – урожденная москвичка, из богатого рода купцов Востроглазовых.

Соколов согласно кивнул:

– Да, встречал на приемах, красивая женщина.

– Эмилия не женщина – розан цветущий! Такая аппетитная, что слов нет. Пришла ко мне, слезно просит: «Помогите, святой отец, мужа моего в Генеральный штаб перевести! Уж очень хочет мой Генрих карьер сделать, одолел меня просьбами: дескать, поклонись Григорию Ефимовичу! Ни в чем вам ради мужа не откажу». – Распутин завел глазищи. – Как представляю ее достоинства, так вот здесь, – ткнул себя пальцем в живот, – мурашки бегут. Пошел я куда надо, везде отказ: «Хоть Генрих и не немец, а прибалтиец и на хорошем счету, да общественное мнение накалено против господ с иностранными фамилиями». Ну, кому – мнение, а мне – тьфу! Из кожи вылез, на той неделе у Сухомлинова перевод подписал. Несся в Москву, все во мне огнем пылало – о свидании с Эмилией мечтал. Ох! – глубоко вздохнул, надолго замолчал.

Соколов с интересом подбодрил:

– И что дальше?

Распутин развел руками, опрокинул со стола рюмку, вздохнул:

– А дальше – конфуз и сплошное недоразумение! Думаю: прибежит теперь ко мне красавица в «Метрополь», обрадую и такой карамболь закручу с ей – внизу люстры посыплются! Телефонировать. К аппарату Генрих подошел. Объявляю: «Ну, полковник! Много сил и денег ты мне стоил, но перевел-таки тебя в Генштаб». Отвечает: «По гроб жизни обязан! Куда прибить за приказом?» – «Лично ты мне без интереса. Прикажи, полковник, чтобы Эмилия гнала в „Метрополь“. Я там в люксе остановился. И побыстрее!» Засопел, засопел Генрих: «Эмилия какой день носу не кажет». – «Как так?» – «Да убегла из дома. Поди, с кем роман закрутила!» Кумекаю: супруги своего добились и теперь хитрят, вокруг пальца меня обводят. А то ишь: «Убегла!» Ору в трубку: «Зачем врешь, Генрих? Бога побойся! Накажет за вранье!» А он в ответ слезу в голос пускает: «Клянусь, Григорий Ефимович, всеми святыми, нет ее!» Ну, думаю, кажись, и вправду сбегла. Баба – она вообще дура, навроде воробья. А уж коли влюбится – так последнее разумение теряет.

Соколов полюбопытствовал:

– И что дальше?

Распутин продолжал:

– Интересуюсь: «Почему полиция плохо ищет?» – «Я не заявлял пока. К Маршалку в сыск не еду, потому как стыдно. Дело деликатное, сраму не оберешься! Подожду малость. Коварная изменщица! За что такой позор? Эмилия растоптала мою честь. Руки на себя наложу! Или, хуже того, отправлюсь на передовую, сложу за царя и Отечество буйную головушку!» Я,

понимаешь, расстроился. Чего ради, думаю, унижался, просил за Генриха? Чтоб он лопнул! А Генрих уже сам себя утешает: «Авось набегается, набегается и вернется домой! Прощу ее, так и быть».

– Стало быть, сильно переживает?

Распутин пожевал бороду, задумчиво протянул:

– Вроде бы и тоскует, а печали настоящей нет... Говорит много. И потом: коли жена исчезла, как же столько дней в полицию не заявлять? А то ишь – совестно, дескать, ему!

– Да, подозрительно! – согласился сыщик.

Печаль сердечная

Распутин взволнованно продолжал:

– В том-то и вся штука! А мысль занозой сидит: дело-то я сделал, а Эмилия благодарить, как уговаривались, не желает?

– И что ты придумал?

– А что, ежели дожидаться, когда уйдет Генрих на службу, да и зайти в дом? Только боюсь, служанка на порог не пустит. Скажет: «Господ нету!» – и дверь перед носом захлопнет. А если ты, граф, спросишь, может, тебя и впустит? Ты лицо государственное. Расспроси служанку, она тебе все выложит, а? Может, Бог даст, самую Эмилию увидишь, посрами ее, дескать, обманывать – большой грех.

Соколов съел редиску, отправил в рот ложку икры, подумал и решительно произнес:

– Так не делается! Служанка ничего не скажет. На твоём месте я устроил бы за домом слежку, вот все сразу и прояснится.

Распутин обрадовался:

– Славно! Последить – все равно что в душу заглянуть: все тайное наружу выпрет. Кому из топтунов деньги дать?

– Тем, которые приставлены к тебе, Григорий Ефимович.

– Не, это моя охрана! Видал, как они под микитки поручика подхватили?

– За двести рублей филеры неделю будут пасти дом твоей возлюбленной – круглые сутки. И потребуй с них ежедневные рапортчики – отчет наблюдений.

– Так и сделаю, хоть терпежа во мне нынче нет! Сегодня же ночью позвоню градоначальнику Адрианову, прикажу, пусть насчет филеров распорядится. Эх, жизнь моя горькая, любовь безответная... – Распутин тяжело опустил голову на руки, по его щекам потекли крупные слезы. – Нет, граф, ты печаль мою ощущать не можешь! Очень на сердце тяжело...

Молчаливое согласие

В этот момент раздались веселые крики. Из дальних дверей хороводом по залу двигались цыгане.

Старший с гитарой, Николай, изображая необыкновенную радость, словно выиграл сто тысяч по военному пятипроцентному займу, низко поклонился Соколову, затем обнялся с Распутиным. Распутин стал с молодыми цыганками целоваться в губы, после чего каждой засунул в лиф ассигнацию.

Цыгане вдруг ударили в инструменты, звякнул бубен, запела гармонь, зазвенела гитара. И все весело грянули:

Выпьем мы за Гришу,
Гришу дорогого.
И пока не выпьем,
Не нальем другого.

И вдруг Распутин, опрокинув стул, выскочил из-за стола, вскинулся с диким восторгом:
– Ах, люлю-люлю малина!

И он пошел впрыскаду, с небывалой страстью выделявая затейливые коленца, выбрасывая ноги, ритмично хлопая ладонями по голенищам, исступленно, самозабвенно вскрикивая:

– Гоп! Гоп! Гоп-ля-ля!

Зинаида, желая угодить Распутину, присоединилась к пляске.

Горький, Скиталец и другие встали в круг, хлопая в ладоши, пристукивая ногами.

Соколов подумал: «До чего же переменчив русский характер!»

Наплясавшись, Распутин изможденно упал в кресло. Все вновь уселись за стол. Выпили, закусили анчоусами с горячей картошкой. Распутин обнял Зинаиду:

– Какая ловкая до пляски – страсть!

– Да и вы, Григорий Ефимович, – огонь! – И вдруг, словно сомневаясь в своей правоте, слабым голосом произнесла: – И все же, святой отец, блуд небось дело греховное, а?

Распутин проглотил устрицу, поднял глаза к роскошно расписанному потолку и, словно священник на проповеди, назидательно произнес:

– Я вот веригами бренчал, плетью себя смирял, а блудные образы мutilи меня. Знать, Господь вложил в наши желания какую-то тайну. Нельзя плоть умерщвлять. Главное – знать меру. Хочешь, чадо, душу свою сберечь, надо согрешить, дабы явить пред лик Господень свое покаяние. Не велика мудрость, но необходимо выражение ея, понимание в полноте всей, – перешел на обыденный тон. – Так что, Зинуля, не сомневайся, не отвращай своего лица от чувств моих. Тогда получишь вот это, – он полез в глубокий брючный карман и выудил оттуда смятые бумаги.

Зинаида застенчиво опустила пушистые ресницы, согласно кивнула головой. Она протянула за бумагами руку, но Распутин рассмеялся.

– Не спеши к капусте, пока не подпустят! – И он, хитро улыбнувшись, спрятал бумаги. – Что, мадерца вкусна? Ты, граф, не пьешь? Так будь здоров! – Распутин махом опрокинул вино в широкую красную пасть. – Пойдем, граф, в кабинет. Там барыньки нас ждут...

Соколов усмехнулся:

– Нет! Твои бабешки на меня скуку нагоняют.

– Напрасно так говоришь! – Кивнул в сторону Горького: – Сейчас Максимыч тебя в революционеры обратит, – и громко рассмеялся. Обхватив одной ручищей Зинаиду, другой широко размахивая, Распутин отправился в кабинет. Со всех сторон неслись приветствия:

– Здравствуйте, святой отец! Наше вам почтение...
Распутин не отвечал. Он что-то говорил в ухо Зинаиды.
За ними было заторопились Соедов и Отто Дитрих. Распутин топнул ногой:
– Пошли вон! Ишь, прыткие...
Горький задумчиво покачал головой:
– Только в России всякое ничтожество может менять премьер-министров! – Повторил: –
Какая нелепая страна.
Скиталец, изрядно захмелевший, щипнул струны гуслей:

Ни кола ни двора,
Зипун – весь пожиток.

Горький, прикрыв веки, неожиданно громко вскрикнул:

Эх, живи, не тужи,
Умрешь – не в убыток!

Веселье продолжалось, но без Соколова. Гений сыска отбыл домой.

Глава III

Сети шпионажа

Высочайшее повеление

Уже на другой день ранним утром филеры прибыли на точку. Недалеко от слияния Яузы с Москвой-рекой стояла Мазуринская богадельня. Здесь нашли приют сто женщин – из купеческих домов или московских старинных мещан.

С дозволения смотрителей богадельни супругов Добромисловых филеры втайне от насельников забрались на чердак. Они притащили с собой плетеную корзину с бутылками пива «Калинкин», бутерброды с колбасой и полевой бинокль.

Бревенчатый дом за сплошным забором, расположенный напротив, был как на ладони. Началось наружное наблюдение.

* * *

Как раз в это время в доме номер 19 по Садовой-Спасской на лифте поднялся на шестой этаж фельдъегерь. Соколов принимал душ. Мари постучала в дверь, приоткрыла ее:

– Аполлинарий Николаевич, простите! Вам срочный пакет от государя.

Соколов сломал сургучную печать. На плотной слоновой бумаге синими чернилами твердым разгонистым почерком было начертано: **«Совершенно конфиденциально.** Аполлинарий Николаевич, крайне необходимо встретиться, дело серьезное, не терпящее промедления. Буду признателен, если сегодня же выедете в Петроград. На вокзале Вас встретят. *Николай*».

* * *

Вечером того же дня Соколов входил в жарко протопленный, пропахший кожей диванов, ароматом дорогих духов и сигар вагон первого класса.

Тут же раздался третий звонок. За окном, все убыстряясь, в бешеной пляске неслись назад огненные искры паровозной трубы. Угрюмо темнел ультрамариновый небосвод.

С неотвратимостью рока приближалось самое невероятное приключение знаменитого графа.

Царский порученец

Богатырский сон Соколова на сей раз тревожила мысль: «Зачем, по какому случаю я понадобился государю?»

Поезд прибыл в Петроград в девять утра. После весенней Москвы, полной света и солнечного тепла, город на Неве показался Крайним Севером. В окна вагона беспрестанно ударили капли дождя, свинцовое небо тяжело цеплялось за крыши домов.

Весь багаж Соколова составлял единственный английский баул из свиной кожи. Граф отказался от услуг носильщика, легко прыгнул на потемневшую от бесконечных дождей платформу. Тут уже стояли встречающие:

дамы в шляпках с вуалью и в ватерпруфах, пожилой полковник, тяжело опиравшийся на трость, важные и не очень важные господа в макинтошах и шляпах, лакеи с зонтиками, дежурные жандармы.

Наметанный взгляд сразу же выхватил из этой разноликой массы молодого красивого человека в шинели офицера-пехотинца и высоких сапогах. Человек встретился глазами с Соколовым, приветливо, как старому знакомому, улыбнулся и резко двинулся навстречу, с необычной ловкостью проходя сквозь толпу.

– Здравия желаю, Аполлинарий Николаевич, – весело проговорил человек. – Я – поручик Собственного его императорского величества пехотного полка Кулюкин. Позвольте ваш баул. Машина ждет...

На привокзальной площади сияло черным лаком авто. Городовой отгонял любопытных:

– Что буркалы выперли? Проходите...

Поручик открыл дверцу, пропустил на заднее сиденье Соколова, сам сел за руль, повернул голову:

– Господин полковник, государь примет вас ровно в шесть часов пополудни. Авто в вашем распоряжении. Куда прикажете ехать?

Соколов на мгновение задумался: «Может, Джунковский знает причину моего вызова в Петроград? Загляну к нему, а потом навещу отца – времени свободного достаточно!» Приказал:

– В Министерство внутренних дел, на Фонтанку, шестнадцать.

Авто рвануло с места, клаксоном разгоняя зазевавшихся пешеходов. На Невском проспекте, развив шальную скорость, по встречной полосе обогнали трамвай, набитый людьми. На повороте резко затормозили, едва не врезавшись в санитарную фуру.

Вскоре остановились у столь знакомого трехэтажного дома с балконами и лепниной.

– Баул прикажете наверх поднять? – Поручик вопросительно смотрел на Соколова.

Тот кивнул:

– Сделайте, поручик, одолжение.

Соколов обратился к незнакомому дежурному офицеру, сидевшему внизу за небольшим столиком:

– Владимир Федорович на месте?

– Так точно, – вытянулся в струнку офицер. – Товарищ министра генерал Джунковский у себя в кабинете. Как прикажете доложить?

«Ратные подвиги»

Встреча старых друзей была радостной. Они обнялись, троекратно расцеловались. Джунковский пророкотал:

– Почти год не виделись. Зато повсюду только и слышно: героический граф, наш неустрашимый силач! Ты еще не завтракал? Прекрасно! По старой памяти поедem к твоему однофамильцу – Ванюшке Соколову. Поговорим всласть! – Нажал кнопку звонка. На пороге замер дежурный офицер. – Протелефонируйте содержателю ресторана «Вена».

– Что приказать?

– Пусть трепещет и готовит стол – мы с Аполлинарием Николаевичем едем.

– Есть! – щелкнул каблуками дежурный и поспешил в точности исполнить приказ.

Джунковский надел шинель, потом подошел к рабочему столу и взял с собой кожаную папку с бумагами. Соколов удивился: «Для чего папка в ресторане?»

* * *

Спустя несколько минут друзья входили в знаменитый ресторан «Вена», что расположился на углу улиц Гоголя и Гороховой. По вечерам здесь было шумно, весело, пьяным пьяно. В «Вене» собиралась богема – знаменитые артисты, писатели, художники.

Швейцар в ливрее с галунами и лопатой-бородой стряхнул с шинелей влагу, счастливо растянул брыластую пасть:

– Счастливы в натуральном виде лицезреть-с!

В утренний час в залах было малолюдно и особенно уютно.

Двое лакеев под бдительным оком самого содержателя «Вены» Ивана Соколова суетились возле почетных гостей. Содержатель цыкнул на лакея:

– Куда, дурья башка, с правой руки блюдо заносишь? – Виновато взглянул на гостей: – Простите, ваши превосходительства, за мое произношение... Набрал новеньких, нарочно наутро ставлю – потише у нас в это время, пусть осваивают.

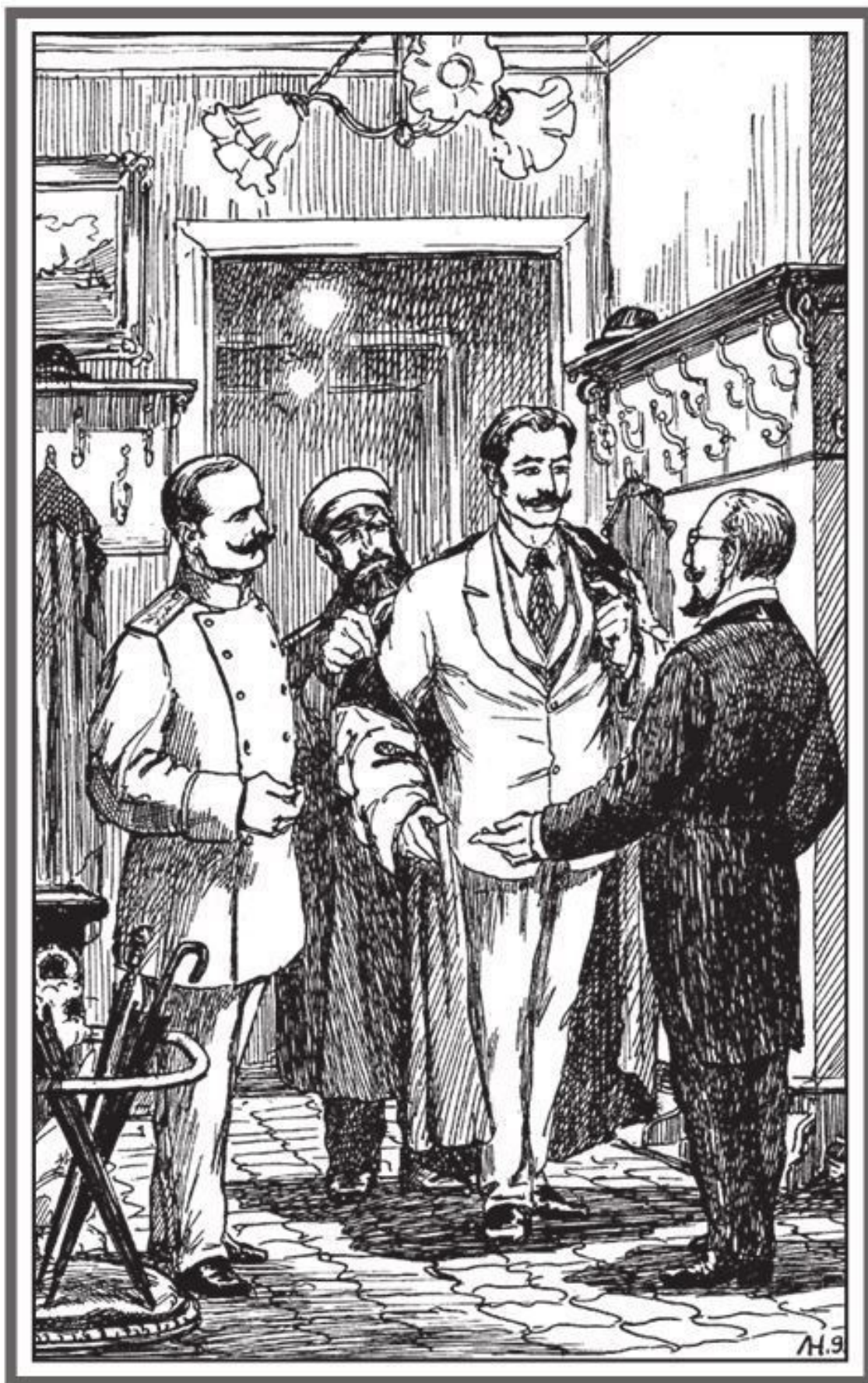
Соколов спросил:

– А прежних на фронт забрали?

– Дело бедавое, семнадцать человек-с мобилизовали! Новеньким науку нынче вдалбливаю: «Это профессором любой может стать – только грамоту знать, а официанту следует иметь голову с мозгами и выучку!» А эти, – сделал пренебрежительный жест в сторону лакеев, – понятия не освоят, что на второе нагретую тарелку надо в салфете подать-с. Опять же твержу: «При вас всегда спички наизготове быть обязаны!» Вчера, к примеру, обедал художник Мясоедов. Достал он портсигар, в папиросу подул, требует: «Че-ек, дай огня!» А мой оболтус – тырь-пырь, а в кармане спичек – пшик. Ну, побежал в буфет, а господин Мясоедов уже сердится, ругаться изволит. Потрафить надо! Учю своих: «Коли гостю угодишь, то и приятность себе при прощании получишь!»

Сей страстный монолог перебил Соколов:

– Чем кормить будешь?

– У нас как в мирное время, ассортимент полный-с!

– Что-нибудь легкое... – произнес Джунковский.

– Уже, извольте видеть, распорядился – только самое необходимое. Эй, Порфирий, сюда, промеж приборов, ставь икру зернистую с горячими расстегаями. Лососина малосольная – к бутылкам ее приблизь. А вот, настоятельно рекомендую-с, нежный балык с лимоном. В серебряном блюде рыбное ассорти – «Ратные подвиги графа Соколова». Пользуются повышенным спросом, особенно у дамского пола.

Джунковский лукаво взглянул на Соколова, улыбнулся:

– Вот это настоящая слава!

Содержатель закончил:

– Что касательно остального, то уже готовим крабы-кокот, бульон-борщок, суп-крем из цветной капусты, форель в шампанском, филе фазана с вареньем...

Соколов махнул рукой:

– Иван Григорьевич, много не надо...

Содержатель торопливо закончил:

– Пломбир, фрукты, миндаль, чай с эклерами... Десерт – он еще полезное для желудка завершение-с.

Задушевная беседа

Джунковский поднял бокал:

– За славную победу русского оружия – за взятие древнего Перемышля!

С аппетитом выпили, закусили. Соколов не спешил задать главный вопрос. Он намазал черной икрой теплый калач, задумчиво сказал:

– Писаки с восторгом восхваляют войну. И еще призывают: «Жизни не жалеть!» Я на деле хлебнул этой военной романтики и своими глазами увидал: нет, война не так красива, как ее малюют на лубках! Это тяжелый, грязный и очень опасный труд. Особенно опасный, когда среди верховных командиров сидят или дураки, или предатели, для которых жизни людей – пустой звук. Причем даже теория такая возникла: командующий тем лучше, чем меньше он думает о людях, а видит в них лишь отвлеченную «живую силу».

Джунковский согласно кивнул.

Соколов горячо продолжал:

– Ставку возглавляет великий князь Николай Николаевич. Многие офицеры сомневаются в его стратегическом гении.

Джунковский с печалью заметил:

– Армия еще в декабре – январе могла наголову разбить Австро-Венгрию, полностью вывести ее из войны. И что? Николай Николаевич не доводит дела до логического конца. Он идет на поводу у союзников, которые потерпели катастрофу во Фландрии и зывали о помощи. И принимает пагубное решение о наступлении в глубь Германии...

– Конечно, натиск русского оружия спас Францию. Но за чей счет? В чужой земле остались лежать тысячи русских людей, – сказал Соколов.

Джунковский вполголоса заметил:

– И все эти жертвы ради обещания союзников передать России Дарданеллы, которые еще надо отвоевать у Германии.

– А что касается всех этих борзописцев, так я в обязательном порядке отправлял бы их на передовую. Пусть хоть месяц посидят в промозглых окопах, поголодают, женское тело будут видеть лишь во сне, со штыком наперевес сходят в атаку, когда пули свистят у виска и друзья-однополчане трупами валяются на грязную землю и когда сам в любой момент можешь проститься с жизнью, – вот тогда, господа, наливайте чернила и со знанием дела калякайте о «святом долге».

Дворцовые новости

Джунковский вдруг внимательно посмотрел на гостя: – Ведь ты по делу к нам пожаловал? Соколов с деланным равнодушием произнес:

– Мне надлежит встретиться с государем.

Джунковский оживился:

– Вот как? Крайне любопытно...

– По каким делам – сам не знаю. Надеюсь, Владимир Федорович, что ты удовлетворишь мое любопытство.

Джунковский развел руками:

– И я не ведаю! Кстати, сегодня государь с императрицей присутствуют на крестинах дочери Юсуповых – Ирины, в их домашней часовне. Затем собираются навестить раненых в госпитале, который размещен в парадных залах Зимнего дворца.

– Какое благородство! Госпиталь носит имя наследника цесаревича Алексея.

– Царская семья очень много работает в пользу пострадавших. Императрица Александра Федоровна вместе с великой княгиней Татьяной устроили кружечный сбор – для оказания помощи пострадавшим от войны.

Соколов кивнул:

– Да, газеты писали, что их величества сразу же сделали щедрый вклад – четыреста двадцать пять тысяч рублей.

Джунковский с воодушевлением произнес:

– Скажу больше, ибо на моих глазах это происходит: императрица и великие княжны себя не жалеют, с утра до вечера ухаживают за ранеными. Императрица, как рядовая санитарка, служит во время операций, подает инструментарий, уносит ампутированные руки и ноги. Не гнушается ни видом крови, ни гангрены запахом.

– В благодарность аристократы фыркают: «Этот черный труд – не царское дело, у нас санитаров хватает!» Зато «прогрессивные» деятели нагло заявляют: «Все это ради дешевой популярности!»

Джунковский произнес вполголоса:

– А сейчас слух пополз, обвиняют государя в желании заключить сепаратный договор с Германией. Эти сплетни дойдут до союзников, вызовут самую вредную для России реакцию. Клевещут на государя!

– Стало быть, сплетни на руку нашим врагам. Более того, подрывают боевой дух армии.

Секретный рапорт

Лакей внес жульены и долил в бокалы легкое крымское вино.

Джунковский рассмеялся:

– Извини, французским «Марго» 1858 года угощать не могу. В отличие от революционного Горького мой бюджет такого не предусматривает.

Соколов был крайне удивлен, хотя на его вечно спокойном лице не дрогнул ни один мускул. Лишь поднял бровь.

– Как, ты уже знаешь о загуле в «Яре»?

– Служба обязывает. Сейчас время военное, шпионов – пруд пруди. И вокруг разговорчивого Распутина немало подозрительных типов крутится. Так что мы за ним глядим в оба. А что вытворяет Максим Горький? Он в открытую проповедует наше поражение в войне, и многие интеллигенты прислушиваются к его голосу.

– Да, ибо чувствует свою безнаказанность. Меня российская интеллигенция вообще поражает. Если во всем мире прилагают усилия для того, чтобы народы были обеспеченны и сыты, то наша литература и господа революционеры с презрением говорят о «мещанской сытости». Словно с ума посходили.

– А что же им по сердцу?

– Наверное, «пролетарский голод».

Джунковский усмехнулся:

– Но получают громадные гонорары, разъезжают по курортам, живут в роскоши, содержат любовниц, как тот же Горький. Что в головах у этих господ? Понять невозможно. И вечное, постоянное нытье, недовольство всем на свете – сплошные ипохондрики.

– Да, жизнь надо любить, радоваться каждому ее проявлению! – воскликнул Соколов. Вдруг сощурил хитрый глаз. – Владимир Федорович, а что у тебя в папке?

Джунковский улыбнулся.

– Тут и впрямь кое-что любопытное. – Открыл папку. – Например, вот это, послушай.

«Рапорт пристава 2-го участка Суцьевской части подполковника Семенова градоначальнику Москвы, их превосходительству Адрианову. В ночь с 26 на 27 марта сего 1915 года в ресторан „Яр“ приехал Распутин в компании с литератором Соедовым и тремя молодыми девицами. В ресторане девицы были сразу же отправлены в угловой кабинет, а сам Распутин подсел к столику известного писателя Максима Горького. Тут его уже поджидал интендантский полковник Отто Дитрих с супругой Зинаидой, а вскоре к ним присоединился бывший сыщик граф Аполлинарий Соколов. Привязав веревкой угря, Распутин возил его по залу, опускал в фонтан, чем вызвал нездоровый ажиотаж в зале...»

Соколов расхохотался:

– Я все это видел, Владимир Федорович. Очень рад, что наши секретные службы работают усердно. Тогда, быть может, скажешь: куда исчезла Эмилия Гершау?

– Сам хотел бы знать! Случай вовсе не смешной. Ведь Гершау допущен к секретным документам. Хорошо, если даму увлек горячий любовник. А коли это шпион, работающий под ухажера, а на самом деле выведывающий военные тайны?

– Давно известно: влюбленные дамы – лучшие информаторы, – согласился Соколов.

– К сожалению, наши полковники бывают весьма откровенны со своими женами, болтают им много лишнего.

Позы святого старца

Соколов повернул голову к лакею, стоявшему у стены в ожидающей позе:

– Пойди, братец, погуляй!

Джунковский продолжал:

– Тебе, Аполлинарий Николаевич, я благодарен. Ты установил слежку за домом Гершау...

– Ну, – отмахнулся Соколов, – это заботами Распутина.

– Тем лучше! Людей нынче мало, денег в казне, как всегда, не хватает. Пусть этот павиан ради своих страстей малость потратится. – Оглянувшись, негромко добавил: – Государь сознает вред от Распутина, желает избавиться от него. Не случайно государь несколько раз высылал его из столицы, запрещал въезд в Ливадию.

– Но проходит недолгое время, как эти благие настроения улетучиваются, причиной тому – императрица, – сказал Соколов.

Джунковский поднял палец:

– Вот-вот, в этом все дело. Александра Федоровна – чистейший человек. Поэтому легко впала в заблуждение. Она уверена в благочестии Распутина. Ведь он в ее присутствии ловко прикидывается святым.

Соколов поинтересовался:

– Государыню не убедили даже порнографические фото?

– А, это сделанные скрытно? Целая дюжина – мы их приобщили к делу Распутина.

– Эти фото, по моим сведениям, появились на свет усердием Феликса Юсупова. Он все устроил... Наш герой на этих фотографиях предстал в совершенно непотребном виде.

Джунковский вздохнул:

– Сейчас, граф, ты удивишься! Когда императрица увидела фотографии, она рассердилась, вызвала меня и приказала: «Отыскать и наказать того негодяя, который выдает себя за старца и позирует в непристойном виде! Эти фото – фальшивки!» Но главное – другое. Мне государыня с громадной убежденностью несколько раз говорила: «Молитвы Григория Ефимовича спасают и хранят наследника!» Она верит в чудодейственную силу Распутина, а на его похождения закрывает глаза. Государыня – мать, этим многое объясняется.

– Неужели это правда относительно их... амурных отношений? – полюбопытствовал Соколов.

– Это ложь, распространяемая великосветскими сплетниками, шпионами и революционерами. Но что касается поисков пропавшей Эмилии, Распутин действует на пользу дела. Пусть ищет. И ты ему помогай, Аполлинарий Николаевич! Уверен, скоро нам дашь ответ: с кем нынче красавица делит альков? Задержи и допроси ее построже.

Соколов улыбнулся:

– Как в Разбойничьем приказе – с висением на дыбе и выкручиванием суставов, с поглаживанием горящим веником промежного места? Тогда возьмет на себя все преступления со дня сотворения мира.

Уловка императрицы

Друзья отдыхали душой и телом. Кухня в «Вене» была прекрасной, лакеи услужливы, тем для разговоров – множество.

Джунковский произнес:

– Заведующий наружным наблюдением твой давний знакомец Гусаков. Ему дано указание: ежедневно оповещать тебя, сдавать рапортички наблюдений. И дружно работай с начальником московской охраны Мартыновым.

– О, это истинное наказание! – Соколов состроил гримасу.

– Забудь былые распри. Мне тоже не нравится этот выскочка, но служба – превыше всего. Кстати, я подготовил приказ о твоём зачислении в московское охранное отделение. Ну, друг любезный, давай выпьем за твои успехи на новом поприще. – Вдруг рассмеялся: – Ведь это я дал указание медицинской комиссии: «Полковнику Соколову запретить возвращение на фронт!»

Соколов удивленно вытаращился на приятеля:

– Во-от как?

– Ты со своей неумеренной удачью на фронте голову вряд ли сносишь.

– Это неизвестно! Смелого пуля боится...

– А береженого Бог бережет. Сейчас в тылу обстановка не менее горячая, чем на передовой. Ты вот недоумеваешь: зачем, мол, тебя государь вызвал? Уверен, не для того, чтобы чаем напоить. Стало быть, нужен ты тут, в тылу. И на меня не дуйся.

Вдруг появился поручик-шофер, встретивший Соколова. Он поклонился Джунковскому, а гению сыска протянул конверт:

– Пакет от императрицы, только что доставил нарочный!

Соколов вынул лист бумаги. На немецком языке было написано: «Милый Аполлинарий Николаевич, я свое авто отправила по делам Красного Креста. Если Вас не затруднит, заезжайте за мной в пять часов в Зимний дворец, я буду в госпитале. Мы вместе отправимся в Царское Село. *Александра Федоровна*».

Джунковский вопросительно смотрел на приятеля. Соколов лишь произнес:

– Еще одна загадка! Ясно: у императрицы есть ко мне конфиденциальный разговор. Вот она и придумала историю с Красным Крестом...

Джунковскому все это было и крайне любопытно, и несколько обидно. Он думал: «Почему важные дела по моему департаменту совершаются за моей спиной?» Но товарищ министра скрыл свое неудовольствие. Он предложил:

– Давай, Аполлинарий Николаевич, выпьем за нашу скорейшую победу!

Бокалы, дружно сдвинутые, отчего-то издали стонущий звук.

Глава IV

Секрет императрицы

Царственный гнев

Соколов промчался на авто по Невскому проспекту, свернул за фасад роскошного «Торгового дома Дементьевых и Васильева». И вот отцовский особняк!

Едва молодой граф взойшел на порог, в доме началась обычная в таких случаях радостная суеда. Вся дворня сгрудилась возле Аполлинария Николаевича, все говорили одновременно, радовались, смеялись, норовили обнять молодого графа.

Соколов всех одарил вниманием, спросил о жизни и здоровье и поспешил в кабинет отца.

Старик сидел за ломберным столом и раскладывал пасьянс. Он еще более поседел, высох и стал похож на Суворова в опале.

Молодой граф принял душ. Затем прошел в свою комнату, надел белый парадный мундир и отправился в Зимний дворец.

* * *

Императрица поступила самым удивительным образом. В нарушение всяческого этикета она одна села в авто, в котором осталась с глазу на глаз с Соколовым.

Шофер дал газу, машина полетела в Царское Село. Императрица была по-прежнему прекрасна. Лишь воспаленные глаза выдавали ее усталость. Однако, оставшись наедине с Соколовым, явно чувствовала себя не в своей тарелке. Соколов, спросив разрешения, поднял стекло, разделявшее шофера и пассажиров.

Гений сыска подумал: «Вот принцесса Алиса Гессенская. Она достигла вершины власти, стала царицей, но это не сделало ее счастливой. Добрая, самоотверженная, она словно по иронии судьбы слывет в народе спесивой и черствой. А тут еще Распутин, который бросил тень на ее женскую честь. Ах, печальная доля! И теперь я понадобился ей по какому-то крайне важному, но столь деликатному делу, что она не решается начать разговор».

Он произнес по-русски:

– Ваше императорское величество, как здоровье Вырубовой, попавшей в железнодорожную катастрофу?

Императрица перекрестилась:

– Хвала Господу, жива осталась. Хоть вся искалечена, но духом не падает.

– Ваше императорское величество, а как прошли крестины Юсуповой?

Императрица оживилась, ответила по-немецки:

– Совершенно ужасный случай! Священник уронил в купель маленькую Ирину. И вместо того чтобы быстро достать девочку, он начал засучивать свои рукава, дабы не замочить в купели. Станный человек. А ребенок все время находился под водой. И тут выяснилось нечто мистическое. – Императрица замолкла, округлила глаза и медленно произнесла: – Оказывается, самого папу, Феликса-младшего, при крещении тоже едва не утопили.

Соколов знал, что государыня недолюбливает молодого Юсупова. Феликс постоянно интриговал против Распутина, говорил о нем гадости. Зная, что шутка понравится императрице, он сказал:

– Россия пережила бы потерю Феликса, причем с удовольствием.

Императрица слабо улыбнулась.

Соколов продолжал:

– Кстати, старики рассказывают: кого в купель роняли, тот долго живет.

Императрица задумчиво произнесла:

– Старики, старики... А сегодня делали операцию молоденькому подпоручику – красивый, с легким пушком усов. Операция прошла успешно, а сердце – увы! – не выдержало! Так жалко, словно близкий человек умер.

За окном уже мелькали пригородные домишки. Императрица наконец решилась, перешла к делу:

– Вы, граф, дайте мне слово офицера, что все сказанное здесь останется между нами?

– Государыня! В моей скромности можете не сомневаться. – Соколов твердо посмотрел в ее лицо.

Императрица начала издали. Она говорила о тех жертвах и несчастьях, которые принесла война. Соколов пытался понять, куда она клонит. Вдруг императрица негромко, так что Соколов был вынужден напрячь слух, произнесла:

– Государь – человек исключительных добродетелей. Его личность очаровывает всякого. Увы, для монарха он слишком мягок и добр. Да, смирение – дар Божий, но государь обязан чаще показывать свою непреклонную волю. И сейчас он должен быть решительным. В его силах восстановить на земле мир. – Она каким-то неумовимо грациозным движением положила свою изящную, не украшенную перстнями кисть на руку Соколова. Проникновенно заглянула ему в глаза: – Милый граф, сегодня государь будет говорить с вами о важных предметах, которые могут определить судьбу нашего народа. Я прошу, заклинаю вас: повлияйте на Ники, пусть он с Германией заключит отдельный от союзников мир. Кто наши друзья? – Императрица сделала презрительную гримаску. – Французы легкомысленны, по своей натуре якобинцы. Англия всегда ненавидела Россию, вредила ей везде, где была в силах. С Германией, напротив, у нас прочные дружеские отношения. Незамедлительный мир остановит реки русской крови. Сейчас есть счастливый случай. Завтра его не будет. Обещаете свою помощь, граф?

После долгих размышлений Соколов произнес:

– Государыня, я не политик. Я солдат. Я исполняю приказы. И не считаю себя вправе поучать великого государя. Но я готов отдать жизнь за Россию, за царский трон. Простите, милостивая императрица, если я не оправдал ваших надежд.

Императрица побледнела, впилась пальцами в кожаный подлокотник и больше не произнесла ни слова.

Авто миновало охрану, стоявшую у ворот, и подкатило к Александровскому дворцу.

Государственная тайна

Соколов узнал часового – Михаила Лаврова. Саженого роста, с широченными плечами, пудовыми кулаками, рядовой славился своими атлетическими подвигами. Он ломал подковы, носил на плечах лошадь, ударом ладони загонял гвоздь в толстую доску. (У меня хранится редкое, даже удивительное фото: Михаил Лавров с наследником зимой 1909 года около Александровского дворца. Рядовой – с трехлинейной винтовкой Мосина, а рядом – крошечный Алексей Николаевич в расшитой дубленой шубейке. Наследник российского престола чем-то огорчен. Он понуро опустил голову и не смотрит в объектив.)

Часовой при виде императрицы вытянулся в струнку. Александра Федоровна спросила:

– Алексей Николаевич во дворце?

Поедая глазами государыню, Лавров отчеканил:

– Никак нет! Они с прапорщиком Щеголем изволят гулять в парке.

– Приказываю на время оставить пост и найти наследника. Передай: приехал граф Соколов! – И к гению сыска: – Алексей, как всегда, вас заждался.

Соколова и наследника связывала горячая симпатия, какая возникает иногда у людей, невзирая на разницу в возрасте.

Императрица, небрежно кивнув Соколову, отправилась в свои покои.

И тут же Соколов услышал низкий, сильный голос:

– Сам легендарный граф! – Это был генерал-майор Комаров, командир сводного пехотного полка, человек крепкого сложения, с породистым, высокомерным лицом, с холеными усами и высоким умным лбом. – Ваши военные подвиги у всех на устах. Государь скоро примет вас в библиотеке. Позвольте проводить...

* * *

Государь вошел стремительным шагом. Он был, как всегда, подтянут, тщательно выбрит, источал тонкий запах дорогого одеколona. И все же Соколов отметил: «Николай Александрович постарел, даже осунулся. Военные заботы, недосыпание, тревоги, постоянные поездки по фронтам не проходят даром...»

– Здравствуйте, Аполлинарий Николаевич! – с величественной ласковостью произнес государь, протягивая для пожатия руку. Государь говорил негромко, но голос его был слышен отчетливо. – Знаю о ваших ратных подвигах. Вы – настоящий слуга престола, вы – гордость великой России.

– Я всего лишь исполняю свой долг, ваше величество!

– Давайте сядем за этот столик. Простите, что вынужден беспокоить вас... – Государь, как полчаса назад его супруга, замялся, не зная, как перейти к делу.

Соколов решил разрядить обстановку:

– Мой государь, позвольте поздравить со славной победой – взятием Перемышля...

– Той победе уже три недели. Пора бы новые виктории отметить, да положение на фронтах складывается хуже ожиданий. – Помолчали. Государь вздохнул:

– Спасая союзников, мы себя поставили в тяжелую ситуацию. Но сейчас речь идет о другом. – Государь подошел к книжному шкафу, достал какой-то том, вынул из него два больших листа исписанной бумаги. Пристально посмотрел в глаза Соколова: – Все, что вы сейчас узнаете, составляет государственную тайну. Я уверен в вашей осмотрительности и преданности. Вот, Аполлинарий Николаевич, прочитайте это... – Голос государя задрожал. – И потом я все объясню...

Сепаратное предложение

На дорогой бумаге верже сиреневого цвета мелкими, аккуратными буквами было выведено:

«25 февраля/10 марта 1915 года. Глогнитц, Нижняя Австрия.

Ваше величество! Сознаю всю смелость своего поступка писать вашему императорскому величеству, но только беспредельная любовь к Вам, государь, и моему Отечеству побуждает меня это сделать, и умоляю ваше величество сообразоваться, прочесть эти нескладные, но вылившиеся из души строки.

В настоящее грустное время я, кажется, единственная русская, имеющая доступ к Вам, ваше величество, которая находится во враждебной нам стране, и к тому же ради пребывания здесь летом семьи моего племянника Скоропадского и анонимных доносов, что я скрываю русских шпионов, нахожусь в плену, т. е. не смею выходить из моего сада, – и ко мне сюда приехали **трое** – два немца и один австриец, все трое более или менее влиятельные люди, и просили меня, если возможно, донести вашему величеству, что теперь все в мире убедились в храбрости русских и что пока все воюющие стоят почти в одинаковом положении, не будете ли Вы, государь, властитель величайшего царства в мире, не только царем победоносной рати, но и царем **Мира**. У Вас у первого явилась мысль о международном мире, и по инициативе вашего величества созван был в Гааге мирный конгресс. Теперь одно Ваше могучее слово – и потоки, реки крови остановят свое ужасное течение.

Ни здесь, в Австрии, ни в Германии нет **никакой ненависти** против России, против русских: в Пруссии император, армия, флот сознают храбрость и качества нашей армии, и в этих странах большая партия за мир, за прочный мир с Россией. Теперь все гибнет: гибнут люди, гибнет богатство страны, гибнет торговля, гибнет благосостояние; а там и страшная желтая раса, против нее стена – одна Россия, имея во главе Вас, государь. Одно Ваше слово – и Вы к Вашим многочисленным венцам прибавите венец бессмертия.

Я была совсем изумлена, когда мне все это высказали. На мое возражение: „Что могу я?“ – мне отвечали: „Теперь дипломатическим путем это невозможно, поэтому доведите вы до сведения русского царя наш разговор, и тогда стоит лишь сильнейшему из властителей, непобежденному сказать слово, и, конечно, ему пойдут всячески навстречу“.

Я спросила: „А Дарданеллы?“ Тут тоже сказали: „Стоит русскому царю пожелать, проход будет свободен“».

Соколов лихорадочно пожирал строчки. Впервые он столь близко соприкоснулся с большой политикой, с возможностью влиять на судьбы народов. Его особое внимание привлек следующий абзац:

«Здесь, повторяю, нет не только ненависти, но настоящего враждебного чувства к России, и трое, со мной говорившие, бывали в России, ее знают и любят. Тоже к Франции и к Японии нет ожесточенности, но, правда, ненависть огромная к Англии...»

Конечно, если бы Вы, государь, зная Вашу любовь к миру, желали бы через поверенное, близкое лицо убедиться в справедливости изложенного, эти трое, говорившие со мною, могли бы лично все высказать в одном из нейтральных государств...

Вашего императорского величества глубоко преданная подданная *Мария Васильчикова*».

Соколов поднял глаза на собеседника:

– Государь, это какая Васильчикова – урожденная Олсуфьева, дочь директора Эрмитажа, фрейлина Александры Федоровны?

– Она самая. В какое неловкое положение эта дама поставила и меня, и всю Россию! – На лице государя было написано страдание. – Я, Аполлинарий Николаевич, даже не знаю, каким образом сюда письмо доставлено. Эту жалкую эпистолу я мог бы бросить в камин и навсегда

забыть о ней. Но... судя по некоторым признакам, письмо уже известно союзникам. И боюсь, оно им очень не понравилось.

Соколов выждал, не добавит ли еще чего государь, и лишь после долгой паузы почти-тельно, но твердо произнес:

– Мы, государь, понимаем, что германцы могли намеренно допустить утечку информации. С их стороны это подлость.

Государь в знак согласия наклонил голову:

– Когда грохочут пушки, о нравственности часто забывают.

Соколов продолжал:

– Позвольте, ваше величество, сказать правду, которую повторяют не только в великосветских салонах, но и во всех нищенских углах. Эти, с позволения сказать, союзники видят в русском солдате всего лишь пушечное мясо. Союзники жаждут ослабить Россию, именно они спровоцировали Турцию на войну с нами. Франция выкланчила нашу помощь – поход в глубь Германии, дабы им во Фландрии было легче. И это стоило жизни десяткам тысяч русских солдат.

Государь слабо возразил:

– Это все не так просто...

Соколов, малость забываясь, с неуместным в данной обстановке жаром продолжал:

– Простите, государь, но истина лежит на поверхности. Наши войска оттягивают на себя германцев, а французы в это время приращивают свои колониальные владения в Сирии и Киликии. – Голос Соколова звучал твердо. – Англия с конца прошлого года главные силы бросила на захват территорий в восточной части Средиземноморья, в Египте, Ираке, Аравии, Месопотамии. И автором многих пагубных идей называют нынешнего главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

Государь укоризненно покачал головой:

– Вы, Аполлинарий Николаевич, судите не совсем правильно. Союзники оттянули значительные силы противника. К тому же не далее как двенадцатого марта Англия заверила меня, что уступит России столь необходимые ей Константинополь и проливы в Дарданеллах.

Соколов несколько смягчил тон, но твердо сказал:

– Однако, государь, союзники вслед за этим заявлением развили такую военную активность в Дарданеллах, что это невольно вызывает сомнение в искренности их заявления. И потом, если союзники все-таки овладеют Константинополем и проливами, разве они будут считаться со своим обещанием «уступок»?

Государь долго молча размышлял. Наконец он медленно произнес:

– Я знаком с подобной точкой зрения. В частности, шведская газета «Свенска тагеblad» сообщает о франко-английском соглашении против России. Но ведь это может быть дезинформацией, вражескими происками...

Государь не стал говорить, что только сегодня утром от очень надежного информатора получил сведения: «Англия твердо решила не отдавать России Дарданеллы и оставить за собой Константинополь».

Соколов промолчал.

Государь прошелся по кабинету, поднял на собеседника синие глаза, твердо произнес:

– Но есть главное – слово чести. Мы до конца будем свято соблюдать наши союзнические обязательства.

Соколов не удержался, вставил:

– Если бы союзники были столь благородны, как вы, ваше величество!

Государь решительно сказал:

– Об этом хватит! Я хочу, Аполлинарий Николаевич, чтобы вы осуществили важное для России и лично для меня предприятие.

Соколов вскочил с кресла, щелкнул каблуками:
– Ваше величество, я готов!

Смертельное задание

Государь прошелся по кабинету. Он поправил большую карту Европы, лежавшую на столе. Кивком головы пригласил:

– Садитесь в кресло, Аполлинарий Николаевич!

Глядя прямо в дышавшее мужеством лицо Соколова, продолжал:

– Я долго думал, прежде чем просить вас, Аполлинарий Николаевич, сделать для нашего Отечества и для меня лично крайне важное дело. Не скрою, граф, дело очень щекотливое и крайне опасное. – Помолчал, нервно хрустнул пальцами. – Разумеется, эту изменницу и наших врагов, стоящих за ее спиной, я не удостою ответом. Но уверен, что Васильчикова не успокоится и в дальнейшем будет засыпать меня – и не только меня! – подобными провокационными эпистолами. Я должен заставить ее замолчать. Вот для этого дела, Аполлинарий Николаевич, вы мне нужны.

Соколов легко, словно речь шла о том, чтобы на клумбе выдрать сорняк, произнес:

– Мой государь, я знаком с этой дамой. Неоднократно встречался с ней на разных раутах. Однажды танцевал с ней на приеме в Зимнем дворце, который устраивали вы, государь, по случаю Рождества 1909 года. Тогда фрейлина производила очень милое впечатление. Но теперь это враг. Я готов. Менее чем через две недели ее голова будет лежать на этом столе.

Государь с ужасом уставился на Соколова:

– Что?! Как вы можете, граф? Это все-таки дама, фрейлина...

Соколов жестко произнес:

– Это враг. У врагов нет ни пола, ни национальности. Хорошо, государь, научите, как я должен обезвредить эту ядовитую змею, извините, фрейлину?

– Вы должны встретиться с Васильчиковой и объяснить ошибочность ее позиции. И пусть она знает о нашей непреклонности: мы союзников никогда не предадим. И еще напомните, Аполлинарий Николаевич, что она – русская княгиня. Я понимаю, что немцы оказывают на нее давление, может быть, угрожают. Но она обязана проявить характер. И лучше всего, если вернется в Россию.

Соколов с горечью подумал: «Сколько наивности в этих словах! Эта тетя, если я не понравлюсь ей, сдаст меня австрийским или германским властям, которые поставят меня как шпиона к стенке. Зато фрейлина будет с чистой совестью продолжать свою гнусную деятельность». Но вслух произнес:

– Государь, я готов выполнить любой ваш приказ.

– Спасибо, Аполлинарий Николаевич! Я не сомневался в вашей верности. Вы можете вернуться в Москву. В ближайшие дни вас отыщут из контрразведки, разработают маршрут проникновения в Нижнюю Австрию, снабдят кронами, подготовят документы и все необходимое... – Государь положил руку на плечо Соколова, и кончики пальцев его чуть подрагивали. Он долго молчал и наконец глухим, севшим голосом произнес: – Вы были наедине с Александрой Федоровной?

– Так точно, вместе ехали в авто!

– Граф, что она сказала вам?

Соколов вздернул подбородок и решительно произнес:

– Государь, вы первым станете презирать меня, если я вам начну доносить содержание частных бесед с императрицей.

Государь опустил задумчиво голову, подошел к окну, долго глядел на закатный, весь в легких пурпуровых облачках небосвод. Наконец негромко произнес:

– Я знаю, что сказала вам императрица. И она не права.

– Чужая воля мной не руководит. Государь, я говорил вам только то, что думаю сам.

– Да, я уверен, что это так. Скажу больше: письмо изменницы Васильчиковой передала мне императрица. Кстати, я даже не знаю, какими путями оно дошло до нее. Уверен, императрицей движут добрые помыслы. Но она не знает обстановки в нынешней России. Заключение сепаратного договора вызовет бурное возмущение общества, прямую угрозу династии. Я не цепляюсь за власть. – Государь пристально посмотрел на Соколова, словно в этом сильном и цельном человеке хотел найти сочувствие и поддержку. – Я приму все, что будет благом для России. Но кто нынче может управлять империей?

Соколов почтительно молчал.

Государь продолжал тихим, хорошо слышимым голосом:

– К тому же я не желаю быть бесчестным в глазах союзников. И я очень вас прошу...

Вдруг в этот момент под высокими дворцовыми сводами прокатился счастливо-радостный крик:

– Дядя Соколов! Ура!

Облаченный в черкеску, в папахе, с кинжальчиком в серебряных ножнах, похожий на красивую игрушку, с распростертыми объятиями неся наследник.

Соколов подхватил своего юного друга, легко подбросил вверх, нежно прижал к груди:

– Я очень скучал без вас, Алексей Николаевич!

– И я! Зато теперь у меня есть набор маленьких гирь, мне папа на Благовещение Пресвятой Богородицы подарил. – С обидой в голосе: – Я желаю упражняться, а доктора почему-то запрещают. – Подышал в ухо, пооткровенничал: – Я все равно упражняюсь. Делаю, как вы учили. Пощупайте, какие у меня мускулы!

– О, вы, Алексей Николаевич, настоящий богатырь!

В тот день самым счастливым человеком на свете был наследник российского престола.

* * *

Ровно в полночь Соколов отбыл в Белокаменную. Утром его ждало ошеломляющее известие.

Глава V «Золотой шатер»

Веселая езда

Приключения гения сыска начались сразу, едва он ступил на порог родного дома. Его супруга Мари сообщила:

– Уже сегодня два раза телефонировал из охранного отделения Мартынов. Он чем-то взволнован. Говорит: «Жду не дождусь Аполлинария Николаевича. Очень срочно требуется...»

Соколов проворчал:

– Никто сыщику не скажет: «Покушай, отдохни, поиграй с сыном!» Все твердят только одно: «Срочно, срочно!» На скорую ручку – комком да в кучку. Однако надо идти.

– Позавтракайте, милый Аполлинарий Николаевич! Соколов отрицательно покачал головой. Перепрыгивая через ступеньку, сбежал по лестнице. Тут же остановил извозчика:

– На Тверской бульвар! Да пошевеливай одров...

Извозчик, средних лет чернявый мужик с цыганистыми веселыми глазами, туже затянул кушак, сделал решительное лицо, словно собирался с вилами идти на вражескую рать, и дико заорал:

– Пошли, проклятые! Нно-о!

Лошади рванули, коляска дернулась, набрала ходу, стрелой полетела через площадь Красных Ворот. На трамвайных рельсах подпрыгнула так, что едва не перевернулась.

И тут же из-под колес выскочил зазевавшийся мужичок-лоточник – продавец мороженого.

Извозчик заорал:

– Куда прешься, рвань сухаревская? Пес тебя возьми!

Соколов хлопнул извозчика громадной ладонью по спине:

– Аккуратней, ты ведь человека искалечишь!

– Эх, барин, это разве человек? Тьфу, и только. Налют с утра бельма и под лошадей бросаются! А мне за него фараону штрафной целковик плати...

Коляска выскочила к Мясницким воротам и понеслась по Бульварному кольцу.

Исчезнувшие жены

Начальник Московского охранного отделения Мартынов, увидав Соколова, расцвел от удовольствия. Он заворковал:

– Как я рад, Аполлинарий Николаевич, что отозвались на мою просьбу. Присаживайтесь сюда, на угловой диванчик. Вы небось и позавтракать не успели?

– С вами позавтракаешь! – протянул Соколов. – Брюхо к позвоночнику прилипнет.

Мартынов с воодушевлением продолжал:

– Во-первых, поздравляю, мой дорогой, вы вновь зачислены в наше ведомство. Теперь будем сотрудничать – плодотворно. Благо жизнь нам сюрпризы подбрасывает.

Соколов вставил:

– И в основном неприятные!

– Всякое случается! – уклончиво ответил начальник охраны. – Начну с плохого: сейчас в Москве все еще болтается Распутин. Это истинное наказание! Вчера опять закатил дебош. Теперь уже в «Метрополе». Скандалил, бил посуду, а банкиру Гринбергу вылил на голову соус «пикант».

Соколов иронически усмехнулся:

– Ведь не расплавленный чугун! Оттащи святого старца в участок.

– Полно вам, граф, шутить! – Мартынов аж захлебнулся. – Если сегодня я прикажу забрать Распутина в участок, завтра меня отправят охранять каторжников на Сахалине.

Соколов был невозмутим. Он одобрительно взмахнул рукой:

– Замечательно! Тебя, Мартынов, назначат старшим смотрителем, скажем, в каторжную богадельню в селении Дербинском. Это сахалинское Монте-Карло. Богадельня населена народцем замечательным – нищими, шулерами, ростовщиками. Начальство туда не заглядывает. Тебя научат метать наверняка. Не жизнь, разлюли малина!

Мартынов болезненно поморщился.

– Вам хорошо, граф, изгаляться! – С мольбою посмотрел на собеседника. – И причиной того, что Распутин не уезжает восвояси, в Питер, являетесь вы, Аполлинарий Николаевич.

– Ну?

– Так точно! Распутин мне заявил: «Пока не отыщете мою Эмилию, я из Москвы – ни шагу!» Ее муж, полковник Гершау, тоже покоя не дает: «Человек не иголка, почему мою жену отыскать не хотите?» А что нам делать, на куски разрываться? Мне ведь приказано и за самим Распутиным вести наружное наблюдение. Наряд филеров для проследки Распутина назначай, рапорты наверх пиши и отправляй, да еще ресторанные и прочие безобразия безропотно терпи.

Соколов иронично покачал головой:

– Бедный командир! А теперь я еще на твою голову свалился. Нет, тебе точно на Сахалин пора отъезжать – там жизнь спокойней.

Мартынов набрал полные легкие воздуха, наклонился к Соколову и с погребальной торжественностью произнес:

– Сейчас, Аполлинарий Николаевич, вам будет не до шуток. – После паузы выпалил: – Пропала еще одна полковничья жена – Зинаида Дитрих.

Немецкая точность

Соколову показалось, что он ослышался.

– Зинаида? Как пропала? Когда?

– На другой день после той ночи, когда вы, Аполлинарий Николаевич, Горький, Распутин и компания гуляли вместе с ней в «Яре».

– Что Дитрих рассказывает?

– Говорит, что вместе доехали до дому. Переночевали. Утром он отбыл на службу рано, Зинаида спала. Вечером супруги уже не было – как в воду канула. Ни записки, ни слова.

– Сбежала с любовником?

– Все может стать. Плохо, что Дитрих – человек влиятельный, пред царицыны очи усердием Распутина допущенный. Повсюду жалуется. И у меня заявление оставил, и докучает начальнику сыска Маршалку. Тот рыщет по всей Первопрестольной, все вверх дном перевернул, но найти пропажу не может.

Соколов усмехнулся:

– Если каждую неделю у нас будут исчезать жены, то скоро все полковники вдовцами станут.

Мартынов просяще посмотрел на Соколова:

– Зинаиду Дитрих мы сами будем искать, а вот Эмилию... Граф, сделайте все возможное, найдите ее. Иначе этот ужасный Распутин своими безобразиями меня в гроб загонит.

– Положим, Александр Павлович, в гроб тебя загнать не так-то просто! Но найти всех беглянок мы обязаны. За минувшие годы мы знали единственный случай пропажи значительного лица...

Мартынов печально сложил руки:

– Да, когда террористы похитили прокурора Александрова. И вся та история закончилась самым страшным образом – прокурора бесчеловечно заживо сожгли. Но женщины, женщины!..

– За домом Эмилии наблюдения тщательно ведутся?

– Так точно, круглосуточно! Старшим назначен ваш любимец Гусаков. Вот, пожалуйста, филерские рапортчики – утренние и вечерние.

Соколов взял «форму Б»: *«Сводка наблюдений по гор. Москве, за домом № 15 по Котельнической набережной, принадлежащим потомственной почетной гражданке Фекле Поляковой и сдающимся внайм полковнику управления московского генерал-губернатора Гершау Генриху Васильевичу. Наблюдение начато 28 марта 1915 года»*. И дальше шли столбцы «Кто посетил», «Когда: дата и точное время прибытия и убытия», «Место жительства посетившего (по прослежке), присвоенная ему кличка».

(Поясню последние слова. Всякому фигуранту присваивалась кличка. Вот некоторые, почерпнутые мною из архивов: Очкарик, Худой, Лисичка, Рубашка, Хромой, Курносая, Мерин, Борода, Студент, Француз, Тросточка и пр.)

Соколов задумчиво почесал подбородок:

– Тэк-с, что тут в резюме за четыре дня? «Ежедневно в 9.45 к дому фигуранта Гершау, кличка Зубастый, подается казенный извозчик № 188. Извозчик приносит в дом четыре ведра воды из колонки, находящейся напротив, возле Мазуринской богадельни...» – Соколов удивился: – Да что ж, у него колодца нет, что ли?

– Выяснили у кухарки Плотицыной: колодец есть, но нынешней весной вода в нем испортилась. Но это к делу не относится. Читайте дальше.

– «Ровно в 10 утра Зубастый садится в коляску и убывает в сторону Яузских ворот». Ясно, это на службу – полчаса самый раз доехать до Тверской площади. Далее: «В течение

круглых суток никто не входит и не выходит из дома Зубастого, дым из труб не идет и никаких признаков жизни в доме не заметно». – Соколов пробежал сводку до конца, посмотрел на Мартынова:

– Прибывал домой, как «Северный экспресс», ежедневно точно в шесть сорок пять. Немецкая точность! – Сыщик задумчиво почесал подбородок. – А почему такая разница: до службы – полчаса, обратно – сорок пять минут? Возвращается ведь той же дорогой?

Мартынов недовольно поморщился:

– Какие-то пятнадцать минут... Разве это имеет значение, граф?

– А как же? В службе сыщика порой сломанная спичка или волосок, обнаруженный на месте преступления, помогают дело раскрыть.

Мартынов лениво потянулся:

– Перед нами не ставили задачу тотального слежения. Филерам было четко приказано: следить за домом Гершау, и все. Филеры должны выяснить, не скрывается ли в доме его супруга Эмилия. Не больше!

Соколов расхохотался:

– Случай замечательный! Ищем жену в доме мужа.

– Именно так! И это очень глупо. Но все расходы по прослежке несет Распутин, и Джунковский приказал выполнить это желание старца. Фигурант, как вы убедились, все последние вечера проводил в доме, кроме службы, никуда не выезжал, ни с кем не встречался. Теперь даже ужин привозит в корзине, потому что готовить в доме некому.

Плетеная корзина

Соколов заинтересовался:

– Ужин берет? Ты же говорил, что он кухарку держит?

Мартынов сказал:

– Горничная Шведова и стряпуха Плотицына нами допрошены под расписку о неразглашении. Они показали, что после бегства супруги Гершау так расстроился, что с той поры отказался от прислуги. Он заявил им: «Вам нечего в доме делать, пока не вернется в дом Эмилия». Но жалованье выдал за две недели вперед. Так что горничная и повариха теперь не бывают в его доме, но вполне счастливы.

– В каком заведении ужин берет?

– Не знаю.

– Итак, Гершау живет в печали и анахоретом?

– Именно! – с готовностью подтвердил Мартынов. – За дни наблюдений его не посетила ни одна душа. Но самое грустное – не оправдались наши надежды: Эмилии нет в доме, не прячется она от Распутина, иначе обязательно себя проявила бы. Беседовали с тамошним дворником, он ничего сказать не умеет. Впрочем, Гершау уже сдает дела, будет переезжать в Петроград – на место новой службы, в Генеральный штаб. Думаю, через неделю его в Москве не будет. И Распутин, слава богу, за ним выметется.

Соколов задумчиво походил по кабинету. Вдруг он заглянул в лицо начальника охраны:

– Ты, Александр Павлович, обратил внимание на пустяк: согласно рапортичкам, корзину в дом не извозчик, как принято, вносит, а сам полковник? Почему? Генрих Гершау не толстовец, не из-за любви к бедному труженику вожжей он на себя берет этот неприличный в его положении труд.

Мартынов молчал.

Соколов продолжал:

– А я тебе скажу: не хочет пускать в дом посторонних. Другое: что в корзине – конкретно?

– Разве это важно? Не динамит ведь...

Соколов вдруг вперился в начальника охраны своим знаменитым, наводившим ужас взглядом:

– Мартынов, я намерен провести в доме Гершау литерное мероприятие номер один.

Начальник сыска решительно замахал руками:

– Вы хотите негласно забраться в дом и тайком сделать обыск? Нет, не рассчитывайте на литер! Ведь полковник Гершау – это не рвань с Хитрова рынка. Это высокопоставленный и заслуженный чиновник! Я категорически против.

Соколов фыркнул:

– Боже мой, какие мы стеснительные. Ну прямо институтка, с которой гусар исподнее стащил. Хорошо, это дело я сам доведу до конца. – Засмеялся: – Сделай обыск и проследку – любого посадишь в тюремную тележку. Адью!

Соколов выскочил на площадь, в два пальца оглушительно и с художественными перегибами свистнул:

– Фьють, эй, командир кобылы, давай сюда! Гони, паразит, к Котельникам.

Мазуринская богадельня

Соколов прибыл к точке, откуда велось наблюдение за домом Гершау – к Мазуринской богадельне. Это был настоящий дворец с богатым порталом, четырьмя могучими колоннами, роскошной отделкой фасада, сооруженный в 1887 году.

Потомственный дворянин и купец Николай Алексеевич Мазурин был богобоязненным и добрым. Искренне любя ближних и дальних своих, он в свое время пожертвовал на берегу Москвы-реки участок земли и полмиллиона рублей на устройство и содержание дома призрения имени семьи Мазуриных. Дом был рассчитан на сто человек, «происходящих из московского купеческого и мещанского сословий, чисто русского происхождения, православного вероисповедания».

Теперь богадельня послужила и еще одному доброму делу – целям сыска.

Соколову требовалось увидеть старшего филера. На сей случай были предусмотрены условные знаки, которые, за их полную кажущуюся несуразность, сыщики с юмором прозвали «три зеленых свистка».

Соколов, когда дефилировал мимо окон, за которыми засели с биноклем наблюдатели, вдруг остановился, снял макинтош, стряхнул с него невидимую пыль и снова надел. Это и был условный знак, обозначающий «Пусть старший следует за мной!».

Сыщик свернул в безлюдный проулок к Москве-реке.

* * *

В проулке было тихо, пустынно, пахло рекой и рыбой.

Через минуту сыщик услышал за спиной частые шаги. Соколов чуть повернул голову и боковым зрением, отлично развитым у сыщиков и филеров, увидел широко известного в узких полицейских кругах наружника Гусакова-младшего. Сын знаменитого топтуна, Гусаков получил почетное прозвище «король филеров».

Он имел счастливую внешность – самую заурядную, позволявшую сливаться с толпой. К тому же он был, как писало начальство в служебном формуляре, «нравственно благонадежный, честный, сообразительный и удивительно терпеливый, обладающий крепкими ногами и острым зрением». И все это было истинной правдой, к которой можно было бы добавить, что Гусаков любил свою службу до самозабвения.

Одним словом, этот человек полностью соответствовал параграфу второму секретной инструкции МВД «По организации филерского наблюдения».

Соколов обнял старого знакомого, с которым переловил немало преступников разного калибра, спросил о жизни, о том о сем и уже серьезным тоном осведомился:

– Коля, почему не выяснил, где фигурант закупает для дома провизию?

Гусаков расплылся от удовольствия. Не скрывая гордости, подкрутил усики, живо ответил:

– Хотя приказа не было, но проявил смекалку и выяснил! Я вчера шел с точки домой. Думаю: «Имею право рюмку пропустить, зайду в трактир». Заглянул в «Золотой шатер». Это тут рядом, во-он желтая крыша видна – Котельническая набережная, тридцать один, в угловом доме почетной гражданки Осиповой. Содержит Иван Степанов Гусев. Вдруг меня как током дернуло: у входа в трактир сидит себе в коляске – кто бы думали? – Зубастый собственной персоной. А где извозчик? Извозчика нет, и, сколько глаз охватывает, не наблюдаю. Почему нет? Зачем Зубастый сидит? Говорю себе: «Коляна, проследить всегда хорошо – наудачу». Встал у входа в трактир, будто меня, что висит, читаю, а сам глазом на коляску кося. Вдруг голос: «Дай пройти!» Глядь, а это извозчик Зубастого по лесенке из подвала подымается, кор-

зину плетеную тащит. Прошел таким фертом мимо меня да бережно в его коляску корзину ставит. Слышу: дзинь! Смекаю: бутылки тащит. Ну, сел извозчик на козлы и к дому Зубастого потащился.

– Что именно он взял у Гусева?

Гусаков развел руками:

– Этого знать не могу! Сверху скатеркой накрыто, так что не проглядывало.

Соколов подумал: «Порой от расторопного филера пользы бывает больше, чем от бес-толкового генерала!»

Вслух сказал:

– Коляна, пойдем по кружке пива выпьем и заодно побеседуем с содержателем Гусевым.

Уютное местечко

Соколов со спутником уже через три минуты подошли к любимому месту досуга мужской части местного населения – «Золотому шатру». Сыщики спускались в подвал по крутой, выложенной из крупных белых плит лестнице. К ним тут же подскочил лакей в белоснежной рубаше, перевязанной красным пояском, согнулся дугой:

– Рады зреть в нашем заведении! Позвольте вас усадить в тихое место возле африканской пальмы.

Большой, парадный зал открывался лишь к обеду. Другой зал, тоже, впрочем, вместительный, еще не был заполнен. Лишь слева возле буфета сидели в университетских тужурках студенты да какие-то пролетарии степенно хлебали щи.

Соколов обратился к лакею:

– Говоришь, африканская пальма? А у тебя, служающий, случайно, не произрастает баобаб? Ах, нет? Какое безобразие! Вышел приказ генерал-губернатора: в каждом трактирном заведении непременно иметь баобаб. Понял? Чтоб к следующему разу был. Принеси пиво – светлое «Пльзенское» Трехгорного завода, раков да скажи хозяину: пусть сам сюда незамедлительно явится, – приказал Соколов.

Лакей побледнел:

– Виноват! Простите Христа ради... Исправимся. Будет к другому разу баба.

– Делай, что приказано!

Через минуту в кружки было налито «Пльзенское», на стойке появились крупные, источавшие аппетитный аромат раки. Едва гений сыска и король филеров пригубили замечательный напиток, как прибежал содержатель – Иван Гусев.

Это был человек лет сорока пяти, с коротко подстриженными бородой и усами, переходившими в баки, в повадках полный важности, словно он был губернским прокурором. Трактирщик сразу же узнал гения сыска и с восторгом взирал на знаменитого гостя. Не зря по всей России его героический облик на открытках торговали за пять копеек.

– Такая нам честь, право... – Гусев повернулся к лакею: – Васька, к пиву за счет заведения лангусты, икры разной масти, семги и остального – по полному содержанию... Бегом действуй!

Лакей понесся исполнять приказ.

Гусев обратился к гостям:

– Позвольте за удобный столик-с...

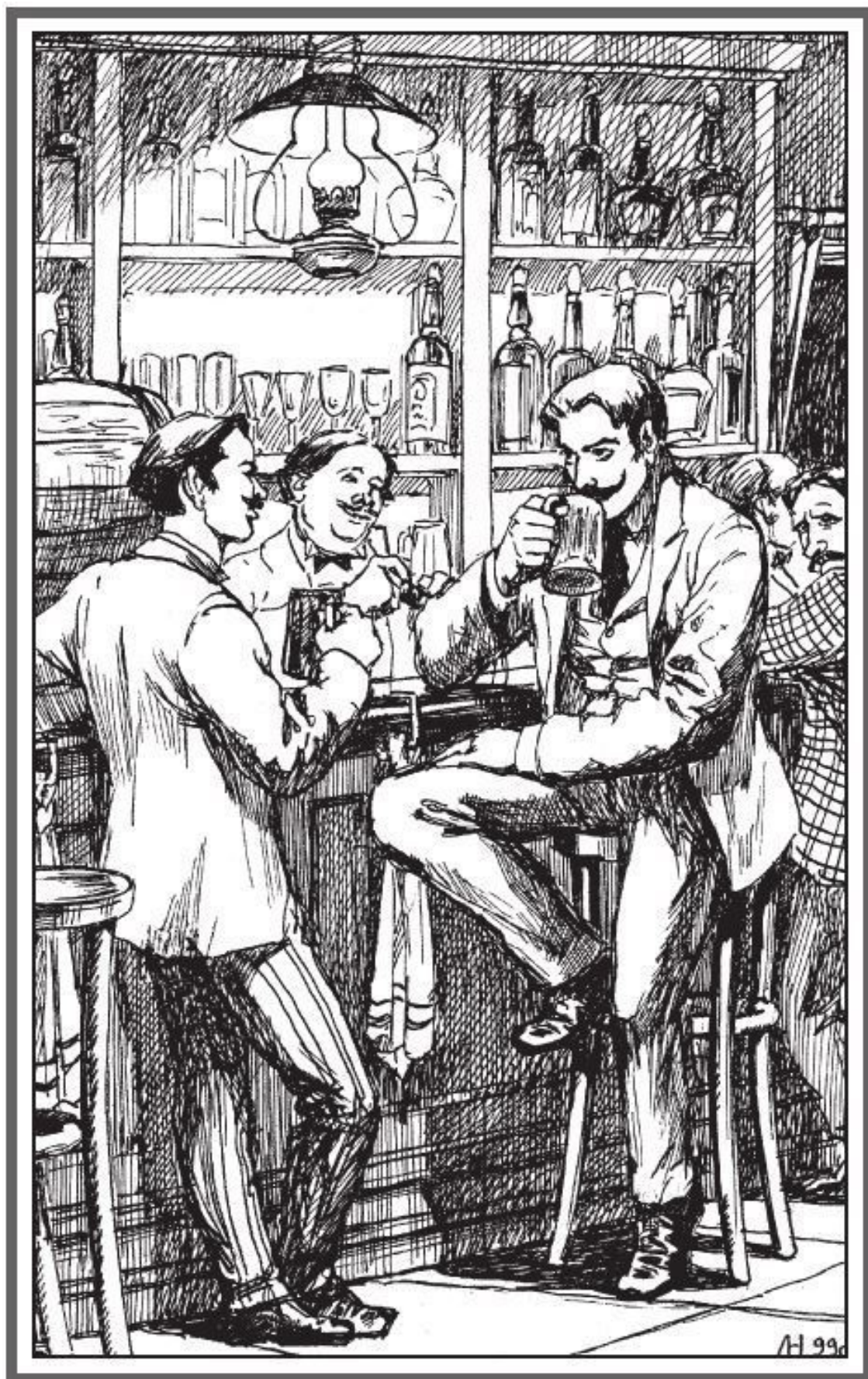
Зверский аппетит

– Ну, Гусев, как твое заведение, процветает?

Трактирщик вопросительно глядел на Соколова:

– Какой там процветает! Сами временно живы, вот и слава Господу!

– Ты-то жив, а как посетители – от твоей кормежки ноги не протянули?

Гусев аж задохнулся:

– Как, как же можно! У нас кухня, может, на всю Белокаменную знаменитая, Егорову не уступим. Вот, Аполлинарий Николаевич, покушайте, сами извольте убедиться!

– Стало быть, и хорошие посетители заходят, коли кухня первосортная?

– Обязательно, ваше сиятельство! Порой замечательные личности изволят навещать.

Соколов хитро прищурился:

– Ну уж прямо замечательные...

– Так точно! Вот, к примеру сказать, полковник Гершау. Живет он по соседству и нам честь оказывает, заглядывает и кухню хвалит.

– Загулы устраивает?

– Этого сказать не могу. Теперь супруга его куда-то уехала, так господин полковник по холостяцкой жизни забирает ужин домой – уже какой вечер кряду. Вкусно любит покушать! А мы стараемся...

– Счета большие?

Гусев умными глазами поглядел в лицо Соколова, тихо спросил:

– Вы, господин Соколов, понимаю, по делу?

– Правильно понимаешь, Иван Степанович. Какие у полковника заказы?

– Как раз на нынешний вечер лежит. Сей миг принесу.

Гусев, как всякий российский торговец, смертельно боялся полиции. Он дрожащей рукой протянул счет:

– Вот, позвольте любопытствовать! Господин полковник составил заказ на сегодняшний вечер: салаты – «Садко» из крабов и «Фантазия» мясной, семга двинская, севрюжка копченая, поросенок с хреном, осетрина заливная, солянка из осетрины – кастрюля малая, солянка сборная мясная – кастрюля малая, белуга паровая под белым соусом, котлеты телячьи, бифштекс с кровью натуральный, крутоны мозель с мозгами, на сладкое – яблоки бенье в кляре. Для запивания – бутылка смирновской водки «Сухарничек» и бутылка массандровского кагора урожая 1899 года. Всего на двадцать один рубль без копеек.

– Как ты полагаешь, один человек может все это съесть за присест?

– Это не то что человек, хищное животное в одиночестве не осилит – лопнет-с!

– Вот и я так думаю! – Пожал трактирщику руку. – О нашем разговоре молчок!

– Обязательно – ни-ни!

* * *

Соколов, радуясь счастливому ходу дел, вышел на залитую солнцем улицу. По Москве-реке плыла груженная дровами баржа. Бабы, подоткнув подола и оголив бесстыдно ляжки, полоскали белье. Мужики сетью тянули рыбу. Мальчишки с веселым визгом катались на плоту.

Сыщик строго посмотрел на Гусакова:

– Как же так, Николай Иванович? Ты говорил, что никто к Гершау в дом не заходит. А на деле он пиры закатывает, а?

– Провалиться на сем месте, в ворота не въезжают, в калитку ни единая душа не ступала! – обиженно пробормотал король филеров. – У нас, – он поднял ладонь, – муха не проскользнет.

У Соколова созрел план. Он добродушно произнес:

– Коли так, можешь своих орлов с точки снимать!

– Вот за это спасибо, Аполлинарий Николаевич! – И Гусаков полетел под чердачное окно богадельни – дать сигнал отбоя «орлам», уставшим от неусыпного бдения.

Гений сыска неспешным шагом направился к дому Гершау, пошел вокруг его дощатого забора. С задней стороны увидел подозрительно сломанные ветви боярышника. Сыщик потянул доску, она легко отошла. Соколов рассмеялся:

– Вот где разгадка!

Заглянул внутрь – садовое запустение и ни единой души.

Сыщик направился к Яузской площади. Впереди несколько мужичков неброского вида спускались в трактир «Золотой шатер». Возглавлял их Коля Гусаков.

Соколов улыбнулся, подумал: «Филеры загул устроят, и то, повод приятный – завершение сидения на точке. Хорошие ребята!»

Глава VI

Обнаженная беглянка

Тайное проникновение

Соколов из ближайшей аптеки позвонил в «Метрополь» Распутину:

– Я сейчас приеду. Наблюдает за тобой, так что выйди тайком по черной лестнице, жди под аркой в проезде Третьяковых.

Минут через десять Соколов подкатил к месту встречи. Распутин появился шумный, размахивающий руками, одетый в немыслимого покроя длиннополое пальто. Облапил Соколова:

– Молодец, граф, не обманул, приехал!

– Долг платежом красен! Едем к Гершау. Его Эмилия, кажется, и впрямь скрывается от тебя в собственном доме.

Распутин расплылся в улыбке:

– А я что говорил? Меня не обманешь! Ну бесстыдница! Ну я ее сегодня раскатаю... – Мечтательно потер ладони. Распутин плюхнулся на кожаное сиденье, пнул сапогом извозчика: – Гони к Котельнической набережной, к Мазуринской богадельне. – И Соколову: – Коли найдем коварную, угощаю тебя в «Яре» с выносом в гробу живой русалки, с поливанием ее персей шампанским и осыпанием кредитками. Слово сдержу, чтоб мне сдохнуть!

* * *

Извозчик потянулся вверх на Лубянскую гору, оттуда, мимо водопоя, свернул вправо к Солянке. Недалеко от слияния Яузы с Москвой-рекой Распутин показал на роскошный дворец с порталом, храмовым куполом с золотым крестом, высокими прямоугольными окнами и за высокой изящной оградой:

– Эй, кобылий распорядитель, видишь Мазуринскую богадельню? Встань на противной стороне! Вот тут...

Метрах в пятидесяти, за сплошным дощатым забором, виднелась оцинкованная крыша. Распутин заговорщицким тоном произнес:

– Ну, пойдем, что ли, помолясь? А ты, погоняла, жди нас.

– Сколько времени ждать?

– Сколько нужно – пока не придем! На, держи задаток – целковик...

Распутин широким шагом направился было к воротам. Соколов окликнул его:

– Куда тебя несет, Гриша? Через парадный вход нас не ждут, оркестр не играет, даже дворника в новом переднике не выставили. Больше того: на калитке тяжелый замок висит. Впрочем, у меня с собой есть уистити...

– Что это?

– Отмычка. Ей пользуются воры, а иногда и сыщики. Топай, Гриша, сюда, к берегу реки. Вот кусты боярышника. Так, доску откидываем, пролезай, святой отец. Ну брюхо ты себе откормил! Ходишь что купчиха на сносях. Давай нажму, вот, пролез! И я за тобой...

Чердачная тайна

Они оказались в пустынном, заброшенном саду. Кругом царили одиночество и могильная тишина. Пустая конюшня, старая почерневшая баня близ берега, закрытый на замок колодец, амбар – все обветшало, стало серым, заросло бурьяном, было предано разрушению и тлену.

И лишь большой жилой дом весело смотрел чистыми стеклами, гравиевая дорожка была ухожена, крепкие ворота задвинуты массивным брусом.

Распутин первым добежал до дверей. Крикнул:

– Тут никого нет, замок висячий!

Соколов цыкнул:

– Чего орешь, блаженный? Заглянем в дом, коли пришли.

Сыщик подергал замок и петли. Вытащил уистити – что-то вроде трехлопастной вилки, минуту-другую покрутил – замок был у сыщика в руке.

Они вошли в дом. Тишину нарушало лишь громкое тиканье больших напольных часов, стоявших в гостиной, да сладко мурлыкал жирный кот.

Распутин огляделся:

– Дух жилой, вон посудыны винные стоят, а вот и полбутылки кагора... Самый раз, дай-кось освежусь!

– Я тебе освежусь! Поставь на место. Последний раз говорю: не шуми! А то опущу в погреб до пришествия хозяина...

В просторной гостиной все было тщательно прибрано. Персидский шелковый ковер, устилавший пол, тщательно вычищен. В шкафу горкой сияла посуда.

Соколов удивился:

– Гершау какой аккуратный! Не всякие женские руки сумеют такой блеск навести, а к нему служанки убираться сколько дней не ходят!

В кресле-качалке был брошенный плед. На пледе лежал в красном переплете увесистый том. Соколов взял его в руки. Это были роскошно изданные Маврикием Вольфом детские рассказы Чарской.

Сыщик вновь удивился:

– Полковник читает Чарскую? Невероятно! Это ведь для детей и барышень. С кем время проводит наш несчастный полковник, с кем утешается?

Соколов распахнул громадный платяной шкаф. Он был полон женских нарядов.

– Похоже, что Эмилия не бежала... – задумчиво сказал сыщик.

– Почему так думаешь? – удивился Распутин.

– Да потому, что женщина никогда такие роскошные одежды не бросит, с собой возьмет.

Надо тщательно дом осмотреть.

– Подыдемся на чердак, может, там спряталась?

– На чердак обязательно полюбуемся. – Под Соколовым прогнулись деревянные ступени. – Только для какой надобности на чердачной двери замок висит, а? Очень удивительно! Так делает хозяин, когда не желает, чтобы домашние туда лазили. Стало быть, что-то скрывает от постороннего взгляда.

Распутин вошел в азарт:

– Граф, да оторви ты замок!

– Зачем чужое имущество портить? Мы его нежно – уистити. Вот, милости прошу, Григорий Ефимович, проходи.

* * *

На чердаке царил идеальный порядок, все с немецкой аккуратностью прибрано. В высокое застекленное окно широкой струей лился солнечный свет.

Сыщик внимательно огляделся.

Вдоль крыши стояли старинные сундуки. Соколов стал открывать крышки. Сундуки были набиты старинными французскими книгами в роскошных кожаных переплетах, семейными бумагами, пересыпанной порошком от моли одеждой ушедших эпох – фраками, балльными платьями, роскошными женскими шляпами, шелковыми с рюшками чепцами и прочим, что десятилетиями оседало в каждой приличной семье.

Наметанный взгляд сыщика остановился на странном предмете: чучеле какой-то большой птицы, стоявшей на небольшом шкафу, набитом русскими журналами времен Тургенева и молодого Толстого. Соколов подошел поближе, пригляделся и широко улыбнулся:

– Прекрасная птичка – королевский гриф. Поистине великолепное оперение. Взгляни, Гриша, передняя часть спины и крылья – красновато-белые, а хвост – погребально-черный. Водится в девственных лесах Южной Америки. Питается падалью. Но зачем этот экземпляр залетел на шкаф? И почему чучело любят брать в руки?

Распутин удивился:

– Почему, граф, ты так думаешь – берут в руки?

– На шкафу пыль лежит пластом, а возле птицы отчетливо видны следы пальцев – чучело часто снимают.

– Зачем?

– Это мы сей миг узнаем!

Соколов осторожно поставил птицу на сундук возле окна. Сказал:

– Недавно расследовалось дело о похищении казначеем Московского воспитательного дома Мельницким трехсот тысяч рублей. Начальник сыска Кошко перерыл весь дом казначея – ни-че-го! Встретил Кошко меня, говорит: «Знаю, что казначей – вор, но не могу деньги найти!» – «Сделай повторный обыск!» – «Какой смысл?» – «Прямой! Я с тобой пойду».

Распутин глядел в рот Соколова:

– И что?

– Кошко с радостью согласился. Пришли, хозяин спокойный, как вековой дуб в тихую погоду. Полицейские все переворачивают вверх дном, понятия скупают. Ни-чего-шеньки! А я гляжу – чучело белой цапли в детской комнате стоит. Взял в руки – тяжелое. Кинул взгляд на хозяина – он побледнел, кадык у него по шее носится, как хореk в птичнике. Распорол я шов на брюхе цапли – там деньги кипой, золотые монеты. Вот так-то, святой старец Григорий!

Распутин от удивления разинул розовую пасть:

– Надо же, прохвост лукавый этот казначей! Думаешь, граф, Генрих в этой птице капитал спрятал?

– Сейчас узнаем!

* * *

Соколов внимательно оглядел чучело грифа.

Распутин переживал:

– Деньги, поди, прячет, обалдуй африканский!

Соколов нащупал на брюхе грифа что-то твердое, похожее на небольшую пуговицу. С усилием нажал. Тут же раздался негромкий металлический звук, щелкнула какая-то тайная

пружинка, отвалилась металлическая дверца, сверху заделанная перьями. Сыщик запустил внутрь руку.

Распутин вытаращил глаза.

Соколов вытащил бумаги. Разглядел, произнес:

– Шифры. Очень интересно! Так, а что тут?..

– Бинокль, всего-то...

Соколов разглядывал предмет, и впрямь внешне совершенно схожий с полевым биноклем марки «Цейс». Сыщик улыбнулся:

– Это штука хитрая! Это фотографический аппарат.

– Никак, портреты снимать можно? – удивился Распутин.

Соколов невозмутимо ответил:

– И очень хорошие. Не хуже, чем, к примеру, сделал с тебя Феликс Юсупов, когда ты с девицами развлекался. Еще можно фотографировать оборонительные укрепления, военную технику, самолеты – все, что надо разведке.

Распутин покачал головой:

– Неужто Гершау шпион? А я ему протеже оказывал. Сколько же нынче их развелось, лазутчиков, – страсть как много!

– Теперь, Гриша, тебя расстреляют вместе с Генрихом. О, тут, кстати, и порошок для симпатических чернил и куча негативов. Интересная находка! Придется задать хозяину несколько неприятных вопросов... Сегодня я сделаю своему заклятому другу Мартынову настоящий праздник. Большую птицу мы поймали, Гриша.

Распутин взмолился:

– Сдался тебе этот Мартынов! Он тебя, граф, не любит. Давай вначале найдем мою Эмилию! Душа горит, жажду ее, ненаглядную...

Приятный сюрприз

Они спустились вниз, заглянули на кухню, в кладовку. Очередь дошла до спальни. Соколов удивился:

– Во всем доме строгий порядок, а тут...

Распутин всплеснул руками:

– Граф, гляди, на стуле – халат, постель не прибрана.

– И подушек для одного полковника многовато – четыре штуки. А это что? Темный длинный волос. Тэк-с! – Сыщик положил ладонь под подушку, рассмеялся: – Ба, да тут еще тепло от недавно нежившейся персоны. Думаю – женского рода.

Распутин приятно заволновался, выкрикнул:

– Ты где, коварная Эмилия? Вылезай, все равно сейчас найду. – Заглянул под кровать, радостно закричал: – Тут дамские ночные туфли!

Соколов подошел к окну. Шпингалеты были подняты, а рамы лишь прикрыты. Сыщик растворил окно, выглянул наружу. И тут же весело сказал:

– Твоя возлюбленная не выдержала радости свидания и выпрыгнула в окно. Гляди, вот свежие следы пяток. Босой бежала. Услыхала наши голоса и прямо из постели...

Распутин потянул за рукав Соколова:

– Что, в окно сиганула? Пошли скорей в сад, найдем Эмилию.

Они двинулись по влажной черной земле. Под ногами шуршала прошлогодняя листва, хрустели неубранные ветки.

* * *

Через минуту их ждал замечательный сюрприз. Едва они миновали баню, как были поражены удивительным зрелищем: за бревенчатой стеной пряталась... голая женщина. Она стыдливо прикрывала груди, тщетно пытаясь скрыться от посторонних глаз.

Распутин вытаращился на женщину, огласил округу воплем:

– Нечаянная радость! Сама Зинуля Дитрих в облике Венеры!

Соколов галантно заметил:

– Мадам, земля еще сырая. Не простудите ноги, прошу вас.

Распутин заливался смехом:

– Раньше – о-хо-хо! – в парках статуи располагали, а теперь вместо их голые бабы во всей красоте натуры! Э-хе-хе! А ты, Зинка, хорошенькая, в кабинете «Яра» не разглядел тебя толком. Ну, пойдем в избу, я тебя, сердечную, погрею. А куда спряталась Эмилька?

Зинаида, храня молчание и гордо вздернув подбородок, не разбирая дороги, узкими ступнями зачавкала по жирной земле – направилась к дому.

Рядом, с вождением разглядывая ее прелести, шагал замечательный женолюб Григорий Ефимович. Он радостно улыбался предстоящему развлечению.

Последние утехы

Взгляд Соколова упал на сруб колодца. Он подумал: «Любопытно, почему полковник Гершау перестал брать тут воду, да еще старательно крышку замкнул на ключ?»

Обхватив ручищей амбарный замок, Соколов без особых усилий выдрал его вместе с петлями. Откинул крышку – и в нос ударило чем-то гнусным, разлагающимся.

Преодолевая отвращение, наклонился, внимательно вглядываясь в сумрачную глубину.

Косой солнечный луч, отраженный от стенки сруба, открыл страшную картину. На поверхности воды, раскинув руки, плавало спиной вверх человеческое тело. Длинные волосы неестественно аккуратно, веером расходились от головы.

Соколов выпрямился, сделал шаг-другой в сторону и произнес:

– Увы, в тайне сохранить наш визит не получится! Надо вызывать полицию.

* * *

Вскоре прибыли полицейские, фотограф фон Менгден и судебный эксперт маститый Павловский, за коренастую фигуру прозванный Комодом.

У ворот уже галдела толпа любопытных. Соколов поставил городского, приказал:

– Никого не впускать!

Толпа все более напирала. Городовой, получивший на Пасху за выслугу лет прибавку жалованья, сознавал себя величиной серьезной. Он строго говорил:

– Осади назад! Не наваливайте, архаровцы, не театр тут. Куда, спрашиваю, прешь? А то, любезный, сей миг скручу тебе лопатки назад и в часть этапом отправлю...

Вызванный по телефону Мартынов где-то задерживался.

Двери дома не открывались. Там, видимо, Распутин весьма нескучно проводил время с Зинаидой.

Соколов с тревогой подумал: «Приедет Мартынов и, ссылаясь на букву закона, отпустит на все четыре стороны Зинаиду. Пока начальник охраны не приперся, приму свои меры: отправлю ее в тюрьму, а вечером сам допрошу».

Соколов подергал дверь – закрыта изнутри, постучал – услышал недовольный голос Распутина:

– Чего тебе?

– Открывай, Григорий! Мне Зинаида нужна.

Дверь тут же распахнулась, на пороге стоял широко улыбающийся, весь вострепанный Распутин. На его крупном, мускулистом и сильно заросшем волосом теле было натянута лишь исподнее. Он хохотнул:

– Хо, граф, тебе тоже приспичило? Заходи, лишним не будешь...

– Где Зинаида?

– А где ей быть? В спальне, тебя, друга сердечного, дожидается. Баба не лужа, всем хватит напиться.

Соколов вошел в спальню. Зинаида, слышавшая разговор мужчин, лежала ничком раздетой поверх шелкового одеяла. Увидав красавца графа, перевернулась на спину, завела руки вверх и сладко потянулась. Промурлыкала:

– Где ж ты ходишь, мой граф желанный? Я тебя совсем заждаюсь, Аполлоша...

Соколов сказал:

– Мадам, срочно одевайтесь.

– И не подумую! – Она перекатилась на живот.

Соколов вплотную подошел к прелестнице, больно хлопнул ладонью по розовой ягодице, заорал:

– Одевайся! Толпа штурмует ворота. Жаждают тебя, как германскую шпионку, порвать – в клочки!

Зинаида резво вскочила, стала метаться по спальне:

– Где панталоны? Где мой лиф? Ах, тут, под кроватью! Граф, не бросайте меня, умоляю. Мы вместе уедем, правда?

Григорий отправился к буфету, отыскал бутылку моэта. Отбил сургуч, с шумом вылетела пробка. Старец пил шампанское прямо из горлышка, и капельки струились по его нерасчесанной, с легкой серебристой сединой бороде.

Зинаида с непостижимой скоростью успела не только одеться, но и накрасить глаза и губы и теперь вопросительно смотрела на Соколова.

Тот подозвал полицейского, приказал:

– Отправьте Зинаиду Дитрих в военную тюрьму! Ей там самое лучшее место.

Зинаида крикнула:

– Обманщик! Вам, граф, еще придется отвечать! Самоуправство!

На Зинаиду даже не стали надевать наручники. На глазах обомлевшей толпы ее вывели за ворота и посадили в пролетку.

Распутин вышел во двор, подмигнул арестантке:

– Не грусти, Зинуля, еще свидимся!

Коляска покатила в Лефортово. Задержанную сопровождал лишь ражий полицейский.

Распутин недовольным тоном пробурчал:

– Граф, почто самоуправничаешь? Ее муж заждался, сколько ден не видал...

– Вот я и отправляю Зинаиду в тюрьму, чтобы муж не убил ее от ревности! Может и тебя прихлопнуть, коварного соблазнителя.

Распутин был погружен в глубокую печаль.

Сыщик вернулся к колодцу.

Глава VII

Мертвая красавица

Ледяная купель

Тем временем полицейские начали обсуждать, каким образом изымать из колодца мертвое тело.

Околоточный надзиратель, крепкий в плечах сорокалетний мужчина, снял форменную шапку из черной мерлушки, низко склонился в колодец, задумчиво загудел:

– Убийство, поди? Может, взять пожарный багор, подцепить за одежду и выволочить?..

Эксперт Павловский решительно заявил:

– Категорически протестую – багор нанесет телу повреждения! Не собаку – человека достаем.

– Не, багром не вытащить, труп разбухший, тяжелый, одежда будет сползать! – согласились бывалые полицейские. – Сподручней всего – веревку привязать. Для этого лезть внутрь колодца следует. Только вода холодная, можно сказать, ледяная. Сам очоуришься – в момент. И запах тяжелый, в ноздре аж свербит.

Соколов сказал:

– И все же придется спускаться в колодец. Охотник найдется?

Полицейские, задумчиво потупив взоры в землю, молчали.

Околоточный надзиратель произнес:

– Ваше высокоблагородие, вы прикажите кому из нас, тогда, хочешь не хочешь, лезть придется. А самостоятельно желающих не найдется.

Соколов махнул рукой.

– Чего с вами говорить, коли вы такие робкие – холодной водички испугались! Я сам спущусь, дело куражное. – Повернулся к Распутину: – Григорий Ефимович, ты в доме Гершау уже освоился? Принеси свежую простыню. Приготовили веревку? Дай сюда, сделаю петлю. Отлично!

Соколов снял пальто и шляпу, передал их околоточному. Оставшись в костюме, сделал несколько согревающих движений и лишь затем разделся до исподнего. На груди виднелись следы боевых ранений, а плечо было украшено толстым красным рубцом – след германского штыка.

Полицейские с восторгом глядели на знаменитого сыщика, игравшего горою мышц. Соколов перекинул ноги в колодец и, опираясь на вбитые в стены скобы, начал спускаться. Головы присутствующих, как по команде, отразились на свинцовой поверхности воды. Все с напряженным вниманием следили за гением сыска. Вниз порой срывались щепки, и тогда на поверхности разбегались круги.

Соколов достиг воды. Мертвое тело заколебалось. Сыщик, отстранив труп, осторожно встал на дно. Вода дошла почти до подбородка. Соколов крикнул, и гулкий звук пошел вверх:

– Брр! Не шибко тут жарко. Швыряй конец!

Сверху сбросили толстую веревку с затянутой петлей.

Соколов поймал петлю, продел в нее ноги утопленницы. Крикнул, и гулкий звук полетел к небу:

– Тяни! – и сам стал помогать, приподнимая из воды тело.

Разбухшее тело медленно поползло пятками вверх. Из рта и с одежды вниз полились тонкие струйки воды.

Полицейские перекинули конец веревки через колодезный ворот и без сложностей выволокли мертвую.

Наружный осмотр

Когда Соколов, изрядно замерзший, выбрался наружу, Распутин протянул ему широкую простыню. Сыщик с профессиональным любопытством взглянул на тело.

Женщина была одета в домашнее шелковое платье, на шее висел золотой кулон. Шелковые чулки на коленях были разорваны. Утопленница бессмысленно уставилась мутными полукруглыми глазами в голубую прозрачность неба.

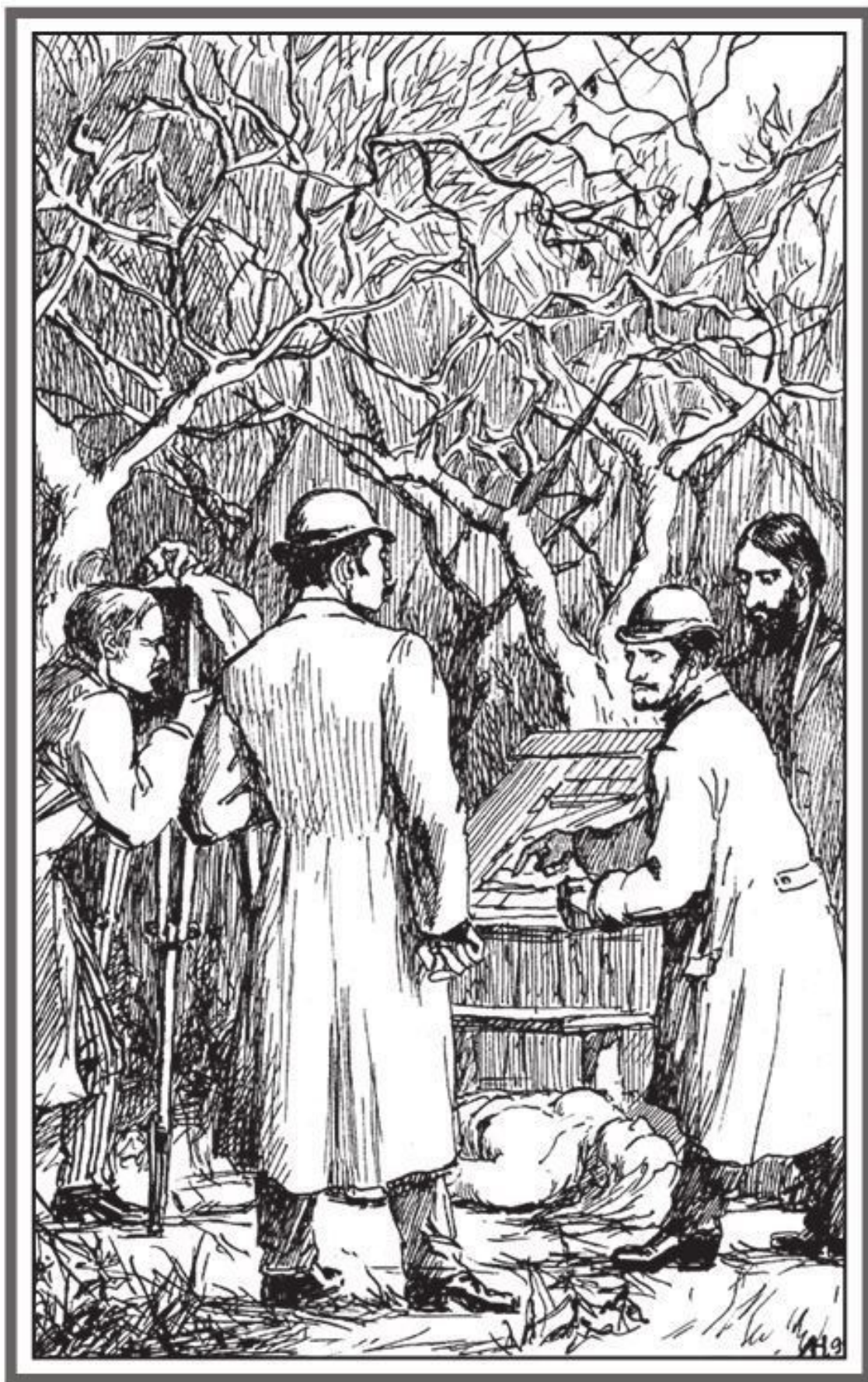
Фон Менгден устанавливал фотографическую аппаратуру.

Распутин с болезненным вниманием вглядывался в черты покойной. Он вдруг смертельно побледнел и с ужасом прохрипел:

– Ай, ведь это Эмилия!.. – и коснеющей рукой стал мелко креститься.

Маститый доктор Григорий Павловский, едва взглянув на то, что еще недавно блистало молодостью и красотой, а теперь разбухло безобразным уродством, уверенно заявил, адресуясь лишь к Соколову:

– Судя по наружным признакам, смерть наступила дней семь-восемь назад. Глядите на кожу ладонных поверхностей, – он поднял руку погибшей, – типичная «кисть прачки». Что ж, сделаем наружный осмотр тела. – К фотографу: – Вадим Евстафьевич, не возражаете?

Барон фон Менгден, элегантно стройный и дистрофично сухощавый, согласно кивнул:

– У меня все в порядке!

Павловский приказал полицейским:

– Разденьте покойную.

Был составлен протокол наружного осмотра тела, фотограф сделал снимки.

Павловский сказал полицейским:

– Отправляйте труп в морг. – И к Соколову, которого полюбил еще по совместной службе в полиции:

– Догадываюсь, что работа нужна срочная?

Соколов утвердительно кивнул.

– Сегодня будем работать всю ночь, сделаем вскрытие и микроскопическое исследование – все, как положено. Позвольте раскланяться?

Соколов восхищался добросовестностью этого талантливого человека.

На Котельнической набережной остановили какого-то приезжего крестьянина, погрузили труп, накрыли простыней и отправили в полицейский морг – на Скобелевскую площадь, к Лукичу. Это был знаменитый смотритель морга, за деньги нетрезвой публике показывавший знаменитых покойников в чем мать родила.

Распутин подошел к Соколову, обнял его, сквозь слезы проговорил:

– Я ведь сегодня в «Яре» хотел отметить прощание с Москвой, а теперь осталось – выпить за упокой. Слезно умоляю, прошу: приходи! Хочешь на колени брякнись, тут, прилюдно?

– Гриша, желаю тебе приятного отдохновения!

– Ох, горе свое раскатаю, небо задрожит!

Извозчик подал коляску. В нее погрузились Павловский, Распутин, потрясенный увиденным, и барон фон Менгден, который ужасно торопился домой, – сегодня у его супруги Изольды Иннокентьевны был день рождения. И по этому поводу были приглашены гости и струнный оркестр.

Соколов отыскал в доме Гершау портфель и сложил то, что недавно покоилось в чучеле гордой птицы.

Неприязнь

Едва на ломовой телеге увезли в морг труп, как, фырча фиолетовым вонючим газом, к воротам подлетел автомобиль. Из него, путаясь в длинной фризовой шинели, вылез начальник охраны Мартынов. Его сопровождал неизвестный Соколову молоденький поручик – то ли эксперт, то ли почетный конвой.

Начальник охраны, задумчиво разглядывая голубое небо, выслушал сообщение Соколова. Пробормотал:

– Любопытно-с, очень любопытно-с! Однако, граф, вопрос к вам: почему своей властью вы отправили Зинаиду Дитрих в тюрьму? Разве в такой срочности была необходимость?

Соколов подумал: «Начальство не обманешь – не проживешь!» Вслух сказал:

– Толпа жаждала ее крови, еле отбил.

– Хм! – недоверчиво хмыкнул Мартынов. – А где изъятые у Гершау?

Соколов протянул портфель.

Мартынов осмотрел шпионские принадлежности, почесал кончик носа, подкрутил ус и решительно произнес:

– Надо пригласить полковника Гершау и побеседовать с ним. Сегодня же!

Соколов насмешливо произнес:

– В каком смысле – пригласить и побеседовать? Может, в ресторан его сводить? И за казенный счет накормить роскошным ужином?

– А что вы предлагаете?

– Срочно арестовать Генриха Гершау, отвезти в Лефортовскую тюрьму и начать допросы – жесткие, изматывающие.

Мартынов прозрачными глазами строго воззрился на Соколова:

– Арестовать? На каком основании?

– Разве мало для «основания» спрятанного в тайнике портфеля со шпионскими принадлежностями? И труп в колодце?

Мартынов, согласно привычке, назидательно поднял палец вверх и тоном гимназического наставника произнес:

– Вы, Аполлинарий Николаевич, можете доказать, что портфель принадлежит Гершау? Нет, не можете. Мы еще и отпечатки пальцев не снимали. Вы, простите, человек эмоциональный. А в нашей службе должны главенствовать безусловные доказательства вины подозреваемого и закон Российской империи. Так-с!

Соколов саркастически улыбнулся:

– Конечно, Гершау – агнец безгрешный. А Эмилия перепутала колодец с Лазурным морем в Южной Франции и по своей охоте прыгнула в него. Так, что ли?

– Я допускаю различные версии, в том числе и эту, – хладнокровно отвечал Мартынов.

– Но тогда почему Гершау закрыл колодец на ключ?

– Увидал труп, испугался объяснений с полицией. Его ведь перевели в министерство. Опасался, что пойдет следствие, затянется этот самый перевод. Дело, граф, обычное.

Соколов иронично покачал головой.

– Очень «обычное»! Будто ежедневно в Москве находят мужья в колодцах своих жен, объявленных в розыск, и со страху замыкают их покрепче... – Подумал: «Ведь неглупый человек, но не хочет понять очевидного. Канцелярская служба отрывает чиновников от реальной жизни». Милолюбиво добавил: – Но ведь это не просто труп, это – погибшая супруга. Зачем же тогда Гершау надоедал полиции с требованием разыскать Эмилию? Цель очевидна: отвести от себя подозрения.

Мартынов раздраженно махнул рукой:

– Хватит спорить! Вы, граф, подталкиваете меня на нарушение закона. Принять решение – легко, исправлять ошибку – трудно. Где здесь ближайший телефон?

– В аптеке Фельдмана. Это справа, на углу, против трактира «Золотой шатер».

– Пр-рекрасно! – Мартынов повернулся к поручику, молодому человеку с золотым моноклем в глазу, постоянно находившемуся рядом, словно охранявшего патрона от возможного нападения Соколова. – Поручик Козляев, позвоните в канцелярию генерал-губернатора Адрианова и попросите полковника Гершау прибыть ко мне в охранку, – достал карманные часы, – тэк-с, в четыре часа сорок пять минут, – и добавил: – Если, конечно, не будет возражать сам генерал-губернатор. У них служба заканчивается в шесть.

– Есть! – щелкнул каблуками Козляев и, придерживая левой рукой саблю, отчаянно размахивая правой, устремился выполнять приказ.

Минут десять спустя поручик Козляев вернулся тем же стремительным шагом, переходящим в бег, и, приложив руку к козырьку фуражки, задыхающимся голосом рапортовал:

– Господин подполковник, я сообщил полковнику Гершау, что мы обнаружили труп его супруги, а также довел до сведения ваш приказ. Гершау ответил: «Польщен вниманием начальника охранки! Передайте подполковнику Мартынову мой сердечный привет».

Мартынов благодарственно кивнул головой, задумчиво поковырял лакированным носком сапога черную землю и сказал, обращаясь к Соколову:

– Тем временем я побеседую с Зинаидой Дитрих. После этого, я уверен, многое прояснится.

Соколов резанул Мартынова взглядом, усмехнулся:

– Не знаю, Александр Павлович, как законы, но здравый смысл ты откровенно попираешь. Я могу быть свободен?

– Вполне, граф, вполне! Сегодня вы заслужили отдых. Завтра с утра жду вас на службе. Завтрашний день приготовил гению сыска любопытные новости.

Глава VIII

Тугой узел

Служебное рвение

Ранним утром Соколов быстрым шагом устремился на службу. Он любил быструю ходьбу, она доставляла гению сыска истинное наслаждение.

По пути Соколов заглянул по соседству – в Большой Гнезниковский, 5. Здесь, в помещении сыска, на первом этаже размещались эксперты.

Григорий Павловский, с воспаленными глазами, едва державшийся на ногах от усталости, сообщил:

– Ночью в морге сделали вскрытие трупа Эмилии. Мои лаборанты сейчас заканчивают писать акт экспертизы.

Соколов обнял приятеля:

– Молодец, Григорий Михайлович! Это по-нашему – работать с отличным прилежанием. Тем, кто нынче в окопах, куда трудней...

Пиво для барона

Выйдя из кабинета Павловского, сыщик едва не опрокинул с ног долговязого барона фон Менгдена. Тот после вчерашней вечеринки прибыл на службу лишь час назад. Вид у него тоже не был особенно свежим, но совершенно по иной причине, нежели у Павловского. Сейчас, накинув плащ, он решил заглянуть в ближайший трактир, дабы там немного освежиться.

* * *

Самое время сказать несколько слов об этом человеке.

Древняя фамилия Менгденов происходила из Вестфалии. Иоанн-Остгоф фон Менгден в середине XV века был гермейстером Ливонского ордена. В 1723 году император Карл VI за военные отличия и неустрашимость в битвах возвел Менгденов в баронское достоинство.

Предки фон Менгдена попали в Россию во время войны царя Алексея Михайловича со шведами. Согласно Российской родословной книге 1856 года, бароны Менгдены имели поместья в Тульской и Ярославской губерниях.

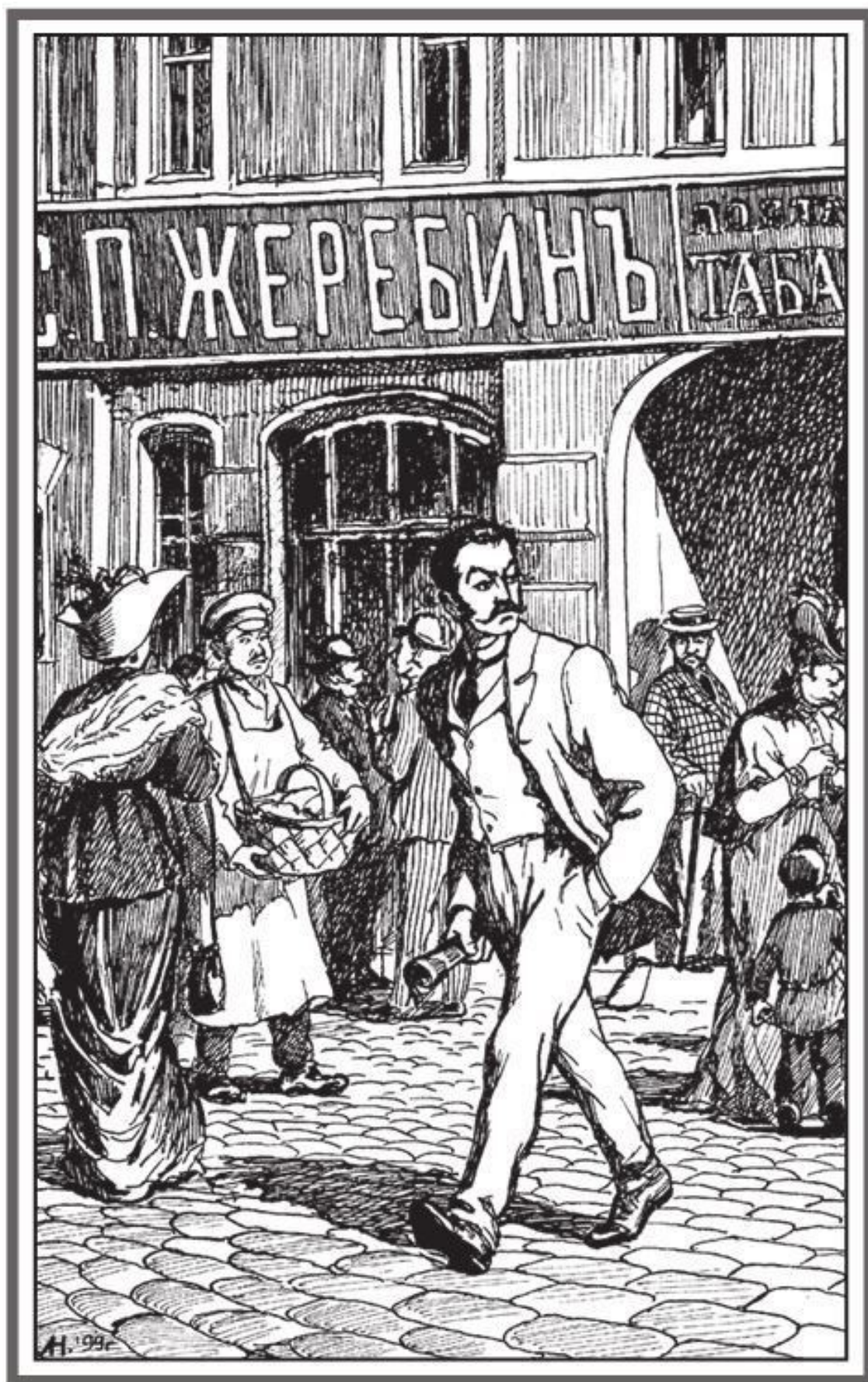
Наш фотограф владел домом номер 11 по Тихвинскому переулку, а еще очень гордился своим благородным происхождением. Гордиться предками, разумеется, справедливо. Но еще лучше делами своими увеличивать славу рода. Впрочем, наш барон все-таки был порядочным человеком.

* * *

– Результаты экспертизы, конечно, готовы? – насмешливо спросил Соколов.

Барон фон Менгден независимо вздернул подбородок и по-французски, барственно-аристократическим голосом негромко произнес:

– Что значит – готовы? По ночам службу справляют лишь городовые да извозчики.

У Соколова брови поползли вверх.

– Вот как?

Фон Менгден холодно посмотрел на сыщика сквозь стеклышко монокля.

– Я, сударь, к слову сказать, не вам подчиняюсь. Мой начальник – подполковник Мартынов. Как только проведем экспертизу, результаты тут же ему сообщим. Туда же можете и вы обращаться.

– Ах, какие мы гордые и независимые!

Соколов вдруг схватил фон Менгдена за грудки, оторвал от пола, слегка – чтобы не вышибить дух – хлопнул его спиной и затылком о стену. У фотографа вырвался стон. Не опуская барона на пол и сверля стальным взором, гений сыска сквозь зубы выдавил – по-русски:

– Если, многоуважаемый фотограф, я не получу через два часа результатов дактилоскопии и отпечатки с негативов, которые лежат в портфеле Гершау, а также химический анализ порошка, то я тебе, Вадим Евстафьевич, для начала набью сиятельную физиономию, а затем отправлю на передовую. Служить будешь по специальности – производить фотосъемку вражеских позиций с аэроплана. Или с воздушного шара. Тебе что больше по вкусу?

Фон Менгден поболтал ногами и просипел:

– Не знаю...

Соколов деловито продолжал:

– Занятие очень увлекательное. Речки, лесочки, брустверы, пушечки – как на ладони. И все – на свежем воздухе. Не служба – рай! Правда, германцы наловчились и последнее время регулярно сбивают авиаторов. Ты меня понял?

Фон Менгден лязгнул зубами, пробормотал:

– Будет исполнено!

Он знал, что гений сыска не шутит.

Соколов опустил барона на ноги и добавил несколько добродушной:

– А за пивом можешь сторожа послать! После вчерашнего загула от тебя разит, как от обитателя Хитровки.

Помешательство

Явившись в охранку, Соколов узнал потрясающие новости.

Мартынов, словно галка, глядя куда-то вбок, ожесточенно постучал указательным пальцем по полированной крышке стола и нервно произнес:

– Исчез еще один человек, на этот раз – Генрих Гершау.

Соколов насмешливо произнес:

– Вот как?

– Вчера, после телефонного звонка Козляева в канцелярию генерал-губернатора, Гершау сказал губернатору Адрианову, что едет в охранку. Секретарь видел, как Гершау забрал секретные документы из своего сейфа, положил в портфель и вышел на Тверской бульвар. И никто больше его не видел!

Соколов делано-равнодушным тоном произнес:

– Этого надо было ожидать!

Мартынов, раздражаясь, резко бросил:

– Задним умом мы все крепки! Но я разослал приказ по всем вокзалам и выездам из города: «Гершау задержать!»

– Сведений о задержании, естественно, не поступало?

– Пока нет! Сейчас проверяем лиц, с которыми он был знаком, по адресам.

– Александр Павлович, очень хочется знать о твоей прогулке в Лефортовскую тюрьму. Как наша подопечная и, на твой взгляд, безвинно пострадавшая Зинаида?

Мартынов откашлялся, выпил водицы из сифона, сделал страдальческую гримасу:

– Эта Зинаида – дочь дьявола! Даже фантазии покойного Жюль Верна не хватило бы, чтобы догадаться о фортеле этой дамы.

Соколов удивленно поднял бровь:

– Вот как? И какой трюк выкинула красавица?

– Вчера я негодовал на вас, граф, ибо полагал задержание Зинаиды незаконным. Признаться, ехал с целью извиниться и освободить ее. Даже думал на автомобиле отвезти домой.

Соколов с любопытством уставился на Мартынова:

– Чувствую, что-то помешало твоему, Александр Павлович, человеколюбивому порыву?

Мартынов, вспомнив приключение в Лефортовской тюрьме, глубоко вздохнул:

– Я, начальник охранки, не стал приглашать Зинаиду в камеру следователя, а нашел возможным подняться на второй этаж. Вхожу в камеру номер девяносто два со всей галантностью – даже деликатно постучал в металлическую дверь, хотя это делать не принято. Признаться, загодя приготовил извинительную речь.

Соколов в предвкушении забавной сцены широко улыбнулся:

– А цветочки не забыл прихватить?

Мартынов отмахнулся:

– Ах, граф, мне не до шуток! Вошел я в камеру, но эта фурия даже не дала мне рта разинуть. Зинаида вдруг соскочила с металлической койки, присела на корточки и, словно собака, начала прыгать и лаять на меня. Даже хотела укусить за ногу. Дальше – больше: задрала подол, а там нет исподнего. И вдруг сладким голосом говорит: «Ну, иди сюда, мой Александр Македонский, я твоя возлюбленная Клеопатра».

Соколов расхохотался:

– Ты, Александр Македонский, использовал свое служебное положение?

Мартынов, не замечая шуток, продолжал:

– А дальше – больше: Зинаида легла на нары и стала делать непристойные движения. Я развернулся и ушел. Боюсь, что последние события повлияли на ее психику самым угне-

тающим образом, психика не выдержала. Теперь придется провести медицинское обследование, а это длительная задержка времени. – Прошелся по кабинету, метнул сердитый взгляд и вдруг перешел на официальный тон: – Я решил, граф, вы кашу заварили, вы ее и расхлебывайте. Оформите наряд, договоритесь с профессором Сербским.

– Замечательный доктор! Как и положено ученому с мировым именем, он весьма любит обстоятельность. Увы, этот мудрый дятел совершенно оторван от реальной жизни. Попомни мое слово: Сербский, ради своих научных наблюдений и мне назло, будет наблюдать арестантку в клинике не меньше двух-трех месяцев. А тебе, Александр Павлович, все это время придется держать возле нее стражу. Но главное, мы не будем иметь права допрашивать кандидатку в умалишенные.

– Это ужасно, но выхода нет! Попросите Сербского, пусть проведет исследование хотя бы недели за две, за три. Граф, вы знаете, как отыскать доктора? Александра Петровича можно найти в психиатрической клинике университета. Впрочем, лучше позвоните вечером ему домой, запишите номер телефона – 506-77, он живет в Большом Афанасьевском, дом номер три.

Соколов записывать телефон Сербского не стал. Он заложил руки за спину и прошелся по кабинету. Остановился напротив Мартынова:

– Александр Павлович, совершенно ясно, что шпионка намеренно затягивает следствие. Она понимает: война не будет длиться вечно. А после заключения мира или объявят амнистию, или шпионское преступление потеряет свою актуальность, и Зинаиде удастся выйти сухой из воды.

* * *

Соколов подошел к окну, любуясь весенней Москвой.

На Тверском бульваре няни гуляли с малышами, по мостовой летели коляски с седоками, дворник старательно подметал тротуар, инвалид в военной шинели опирался на костыли, статуей возвышался на углу городской, толпы праздничного и веселого народа спешили по своим делам. И над всем этим торжественно и умиротворяюще плыли волшебнотягучие звуки с колокольни Страстного монастыря.

Соколов подумал: «Эх, зайти бы теперь к Елисееву, купить хорошего вина и фруктов да в любезной сердцу компании посидеть часок-другой!..» Вслух произнес:

– Разумеется, я это дело доведу до конца, особенно если ты, Александр Павлович, не станешь мне мешать. Пока, уверен, обойдемся без услуг Сербского. – Хитро прищурил глаз. – Я тебя убедил, что Зинаида знает за собой преступную вину?

Мартынов удивился:

– Из чего, граф, вы это вывели?

– Из ее поведения. Неужели, Александр Павлович, ты и впрямь веришь в ее скоропостижное помешательство?

Начальник охраны сделал неопределенные телодвижения:

– Ну, ее надо обследовать... Почему все-таки вы уверены в ее вине?

– Все просто: зачем безвинному человеку симулировать помешательство? А что она симулирует, я не сомневаюсь.

Мартынов постучал указательным пальцем по крышке стола:

– Все может быть, все. К ней есть любопытные вопросы. Первое: почему она сбежала от мужа? Второе: что ей известно об убийстве Эмилии?

Соколов вставил:

– Кстати, Эмилия была ее подругой. Именно покойная познакомила Зинаиду со своим мужем.

Мартынов вновь побарабанил пальцами по крышке стола.

Соколов подумал: «Точь-в-точь как Ульянов-Ленин. Тот тоже любит долбить пальцами – признак неврастения». Вслух сказал:

– Почему все еще не сделали обыск в ее доме? И почему-то муж Зинаиды – Отто Дитрих – все еще не допрошен, а? Что молчишь?

Мартынов отвел взгляд, вздохнул, поправил пробор на голове, опять вздохнул и, наконец, проямлил:

– Отто Дитрих – человек со связями и в Москве, и в Петрограде. Да-с! А об амурных отношениях его дражайшей Зинаиды с влиятельным Распутиным вы знаете лучше меня. Прежде надо иметь на руках доказательства ее вины, а уж потом... Тем более что Отто Иванович после бегства от него Зинаиды занедужил, не выходит из дому, у него сильнейшая мигрень. Мне все это сообщил тамошний дворник Свистунов. Нам надо быть деликатными. Не ровен час – нажалуется на меня...

Слушая эту тираду, Соколов все более наливался гневом. Он громыхнул кулачищем по столу:

– Сейчас идет война, а ты тут дипломатию разводишь. Если начальник охранки начнет расшаркиваться перед начальством, расшаркиваться перед влиятельными особами, тогда надо закрывать твою лавочку, а тебя, Александр Павлович, отправлять на передовую. Следует нынче же произвести обыск и выемку у полковника Дитриха. Если обыск ничего не даст, я сам перед ним извинюсь. Но прежде я крепко допрошу его блудливую Зинаиду. Она дурит тебя, притворяется. Ты понял?

Мартынов мотнул головой.

– Так точно, понял! – Однако через мгновение добавил: – Но у Зинаиды и впрямь помутнение разума. Не может так человек притворяться...

Пределы человеколюбия

Соколов вышел в приемную, приказал дежурному:

– Крепкий чай и эклеры! – Вернулся в кабинет, стал объяснять Мартынову: – Ведь на днях Зинаида весело гуляла в «Яре», лихо отплясывала с Распутиным, здраво рассуждала. Но едва ее арестовали, как у нее, по выражению Фрейда, крыша поехала. Не верю я ее сумасшествию! Так что обойдемся без ученого мужа, к Сербскому пока не пойдем...

Мартынов хмыкнул:

– Знаю, у вас отношения с ним не сложились! Виновата история Александра Блаженко, убийцы авиатора Чеховского. Я помню, что Сербский признал его больным, неподсудным, а накануне отправки арестанта в клинику его нашли под нарами с вытаращенными глазами и вывалившимся языком – задущенным. Вся Москва говорила, что это вы, Аполлинарий Николаевич, устроили.

Соколов горько усмехнулся:

– Жаль, что ты не видел, как вся Москва приветствовала смерть этого кровавого выродка. Печалился лишь Сербский, поскольку лишился интересного материала для своих исследований. Я твержу: если психически здоровый преступник может раскаяться, исправиться, то больной – никогда. Больной маньяк обречен творить злодеяния. Он выйдет из лечебницы таким же кровожадным, как до «лечения», и вновь начнет воровать, резать и насиловать. Кроме того, наплодит детей с самыми страшными задатками. Нельзя засорять землю людскими отбросами. Человек должен быть сильным, здоровым во всех отношениях, с железной волей. Если страсти руководят человеком, то он уже не может считаться полноценным. Гуманизм не вечно отступающий горизонт, он должен иметь свои границы.

Мартынов оторопело слушал. В присутствии этого гиганта начальник охраны сам себе начинал казаться какой-то мелкой букашкой. Он спросил:

– А что делать с психически больными?

– Если они тихие, не представляют угрозу окружающим, оставлять на свободе, но стерилизовать.

– А убийц?

– Таких, ради любви к человечеству, надо безболезненно усыплять. И уж никак не выпускать на свободу через два-три года после серии кровавых преступлений. Тот, кто это делает, – сам преступник. Но да ладно, я отвлекся. Что касается Зинаиды Дитрих, я побеседую с ней. Можешь быть уверен: она расколется до того самого места, которое ты у нее с вожделием рассматривал. В любом случае приготовься обыскать ее дом. И обшарь каждый аршин в доме Гершау.

– Обыск у Гершау начнем сегодня в полдень...

– Прекрасно! После допроса я тебе протелефонирую из военной тюрьмы, прихвачу с собой Зинаиду, и мы встретимся у нее в доме во 2-м Коптельском переулке, это рядом с Грохольским. И ты убедишься, что мы разорили шпионское гнездо. Но допрошу ее после того, как барон принесет работу своих экспертов.

Мартынов вздохнул:

– Это будет еще не скоро!

– Держу пари: барон все притащит сейчас.

Мартынов протянул руку:

– Это невозможно! Оплачиваю ужин в трактире Егорова, если результаты будут сегодня до шести вечера.

– Согласен! – Соколов подошел к телефонному аппарату. Покрутил ручку вызова, снял трубку, произнес:

– Барышня, дай мне номер десять! – После паузы:

– Дежурный? Беги на первый этаж в лабораторию, скажи барону Менгдену, что я у подполковника Мартынова, жду его еще ровно тридцать минут. Опоздает – пусть получает вещевое и продуктовое довольствие отправляющегося в действующую армию. Так и передай! Понял? Пошел! – Повесил трубку, покрутил ручку – дал отбой. И широко улыбнулся.

Мартынов расхохотался:

– Наконец-то легенда сыска проиграет пари! Фон Менгден обещал весь материал доставить в лучшем случае завтра к двум часам пополудни. Раньше эксперты никак не управятся. – Он оглянулся на большие напольные часы, подмигнул Соколову: – Время пошло!

* * *

Минут через двадцать в кабинет Мартынова влетел барон. Обычно щеголеватый, на этот раз он тяжело дышал, был взлохмачен, галстук сбился набок. Грохнул портфелем о стол, отрывисто проговорил, с трудом переводя дыхание:

– Аполлинарий Николаевич, славный! Вы делали верное предположение: материалы, которые мне передали, – все это шпионские штучки. Даже не верится. Ох, воды дайте, сердце стучит... – Выпил, продолжил:

– Порошок – это колларгол, который германцы считают своей секретной новинкой – для тайнописи.

Соколов улыбнулся:

– Скажи, барон, а кто первым обнаружил колларгол и использовал в оперативных целях?

Фотограф помотал головой:

– Все помнят – это вы, Аполлинарий Николаевич, разведали его рецепт.

– И что дальше, барон?

– На негативах, как выяснилось, секретные сведения о поставках в армию фуража, продовольствия, мобилизационные планы, стенограммы секретных заседаний генерал-губернатора. Отпечатки пальцев принадлежат Генриху Гершау, а также Зинаиде и Отто Дитрихам...

Соколов пожал руку фон Менгдену.

– Барон, благодарю за службу. – Сделал ироническую мину. – Простите, пока, к сожалению, не могу удовлетворить ваше желание драться с ненавистным врагом на передовой – вы нужны в тылу. О'ревуар!

Фон Менгден счастливо улыбнулся:

– Рад служить Отечеству!

Мартынов вытаращился на барона:

– Вы рветесь на фронт? Первый раз слышу...

За барона ответил Соколов:

– Спит и видит себя верхом на боевом скакуне, пашкой разящим супостатов!

Фон Менгден поспешил развернуться и на сей раз строевым шагом покинул кабинет.

Соколов выразительно посмотрел на Мартынова:

– Что скажешь в свое оправдание? Ведь я тебе положил на стол информацию о предполагаемой шпионской деятельности Гершау еще месяца полтора назад. Ты меры принял?

Мартынов повздыхал-повздыхал и ответил:

– Я переслал вашу информацию по месту службы полковника – градоначальнику Адрианову...

Соколов укоризненно покачал головой:

– Спихнул с рук, и на душе легче стало?

Мартынов извиняющимся тоном проговорил:

– Да ведь казалось невероятным: всем известный человек – и шпион. Что ж, примем самые срочные меры, положение исправим. Удивительно, невообразимо!

Соколов напомнил:

– Ужин у Егорова за твой счет, дорогой начальник. Мартынов вздохнул:

– Что ж, я долги всегда плачу. Готов ехать с вами к Егорову в любое время. Но знаю, что вы, граф, сегодня соответствовать не можете...

Соколов с любопытством уставился на начальника охранки:

– То есть?

Мартынов хитро подмигнул:

– Я ведь знаю, куда вы нынче собрались: в «Яр», где имеет быть прощальная гастроль Распутина.

Соколов решил блефовать:

– Распутин очень просил, да вряд ли пойду.

– Что так?

– Скучно наблюдать его чудачества.

– Вам, граф, виднее. Тем более что Распутин сегодня особенно будет усердствовать, фортель какой-нибудь выкинет.

– По какой причине?

– Причина серьезная: в «Яре», по всей вероятности, должен быть сын московского будущего главнокомандующего – Юсупов-младший.

– Вот как?

– Разведка донесла!

Соколов одобрил:

– Молодец, Александр Павлович, оперативной информацией владеешь!

Мартынов самодовольно произнес:

– Служба у нас такая – знать, кто чем дышит. Юсупова впору в наше ведомство зачислять, такую прыть проявляет.

– То есть?

– Феликс выяснил, что святой отец ныне зачастил в «Яр». Так он не поленился, завел в «Яре» осведомителей, хорошие деньги выкладывает. – Почесал задумчиво за ухом, вопросительно взглянул на Соколова. – Скажу больше: последнее время, как мне известно из верных источников, Феликс начал вдруг проявлять к Григорию Ефимовичу повышенный интерес.

Соколов громко расхохотался:

– Ну?! В каком смысле?

Мартынов замахал руками:

– Нет, нет! Вы, граф, поняли меня неверно. Это не очередное любовное увлечение Юсупова. Причина в чем-то другом.

– В чем?

– Это предстоит выяснить.

– Любопытное рандеву! – Соколов задумался, потом решительно проговорил: – Ты, Александр Павлович, меня уговорил. Пожалуй, я загляну в «Яр». Сейчас у Судакова хороших омаров подают.

Мартынов погрозил пальцем:

– Ну смотрите, без эксцессов...

– Ты прямо как строгий папаша, наставляющий сына-балбеса! С таким рвением ищи германских шпионов. – Взглянул на часы. – А где наш возлюбленный медик?

Следы злодейских рук

В этот момент дверь приоткрылась, в щель просунул голову дежурный офицер:

– Александр Павлович, медицинский эксперт Павловский просит принять его.

– Легок на помине, пусть войдет!

Павловский медвежьей косолапящей походкой ввалился в кабинет.

Впрочем, у этой странной походки была своя история. Проштудировав философские труды Льва Толстого, Павловский, как и многие интеллигенты той поры, проникся христианским мировоззрением. Для начала, по примеру классика, пешком отправился в Ясную Поляну. И тут Толстого превзошел, ибо добрался до Ясной за пять дней, а не за шесть, как великий старец. Удостоился радости не только лицезреть Толстого, но и был осчастливлен беседой с ним и даже приглашен к трапезному столу.

Обратно Павловский поехал по антихристову изобретению – по «железке».

Из Ясной Поляны увозил не только брошюры «Посредника» и наставления в христианской жизни, но и незабываемое впечатление от великого старца.

С той поры Павловский не пил вина, не осуждал ближних, не ссорился, не стяжал, не ел убоину – мясо, и даже не выражался, что в полицейской службе равноценно подвигу на боевом посту. И еще он перенял у Толстого косолапящую манеру ходить.

* * *

Соколов и Мартынов с любопытством уставились на медика.

Павловский молча кивнул и, не дожидаясь приглашения, опустился в кресло. Затем, под ожидающими взглядами, храня важность профессора, представшего перед оторопелыми студентами-первокурсниками, медленно поставил на полированный стол свой холстинный баул (кожаным он не мог пользоваться по этическим соображениям – все-таки убоина!), порылся в его содержимом, вытащил листы бумаги. Тщательно протер громадным фуляром очки на металлической круглой оправе, водрузил их на большой крепкий нос. После этого Павловский откинулся на спинку кресла и торжественно, словно Талмуд, стал читать акт судебно-медицинской экспертизы.

Из этого акта выходило, что Эмилия попала в колодец живой, поскольку в легких обнаружили воду. На теле имеются множественные ушибы и ссадины, преимущественно на голове и предплечьях. Хорошо выражены ссадины в области колен и бедер. От удара головой о сруб, возможно, случились сотрясение мозга и потеря сознания. Вероятно, в этом бессознательном состоянии и произошла механическая асфиксия – утопление. Труп в холодной воде хорошо сохранился.

Дойдя до раздела «Внутреннее вскрытие», эксперт повысил голос, показывая, что сейчас последует нечто особенно любопытное:

– «При внутреннем исследовании в мягких тканях шеи наблюдаются обширные кровоизлияния. Также обнаружен перелом подъязычной кости. Можно предположить, что органы шеи подвергались сдавливанию руками. Об этом говорят специфические признаки: множественные слабо выраженные повреждения в виде полулунных и продольных ссадин в передней части шеи, произошедшие от ногтевых фалангов, а также кровоподтеки на коже переднебоковых поверхностей шеи. Смерть наступила не от удушения, а от утопления. На передней части бедер и коленях ясно выраженные повреждения верхних слоев кожи и кровоподтеки. Судя по мацерации кожи, труп находился в воде семь – девять дней».

Павловский закончил чтение. Мартынов поднялся из-за стола, с чувством пожал медику руку:

– Григорий Михайлович, спасибо за быструю и хорошую работу!

Соколов сказал:

– Уверен, что Эмилия спасалась от преследователя, убегала, а тот набросился на нее сзади. Для начала он придушил свою жертву, а затем, еще живую, сбросил в колодец. И почти наверняка это проделка ее муженька.

Мартынов удивился:

– Почему вы решили, что убийца набросился на Эмилию сзади?

– По расположению повреждений. Если душат сзади, то полулунные ссадины располагаются в передней части шеи.

– Это верно! Но вы, Аполлинарий Николаевич, еще утверждаете, что жертва убегала?

– Конечно! Убийца, догоняя жертву, набросился на нее со спины. Эмилия, под тяжестью тела нападавшего, с разбегу рухнула на землю и так сильно ободрала переднюю часть бедер и колени, что даже довольно продолжительное нахождение в воде не уничтожило следов повреждения верхних слоев кожи. Кстати, вы, коллеги, обратили внимание на чулки? Они разодраны именно на коленях.

Мартынов хлопнул в ладоши:

– Прекрасно, граф! Ваша логика вызывает восхищение.

Мартынов стал что-то писать на листе бумаги, поставил красивую подпись и протянул Соколову:

– Вот, Аполлинарий Николаевич, разрешение вам на допрос Зинаиды в Лефортовской тюрьме. У меня просьба: хорошенько «поводите» Зинаиду. Вы умеете это делать. Еще свежо воспоминание о деле скрипача-виртуоза Казарина, которого только вы сумели разговорить. Удачи вам! – Пожал гению сыска руку.

Когда Соколов был уже в дверях, Мартынов, вечный скептик, добавил:

– Но я все еще сомневаюсь в том, что убийца – Гершау. Ему нет никакого резона убивать молодую, полную красоты жену. Мы беседовали с людьми, которые знали эту семью, и все в один голос говорят – это была самая дружная на свете пара. В этом убийстве нет здравого смысла...

Соколов придерживался правил: войдя на светский бал, сразу же танцевать. И второе: всякий разговор заканчивать самому. На этот раз он уже с порога бросил реплику:

– Александр Павлович, ты видел много преступлений, в которых был здравый смысл? А почему в этом убийстве он должен присутствовать? И потом, нам ведь не все обстоятельства известны. Будь здоров, начальник!

Глава IX

Клеопатра из лефортовской тюрьмы

Под тюремными сводами

Соколов остановил легкую коляску, запряженную парой, сказал:

– Гони в Лефортово, к военной тюрьме!

Военная тюрьма в старинном Лефортове была построена в 1880 году по самым передовым американскому и западноевропейскому образцам. Была она К-образной формы, обнесена по всему периметру четырехметровой крепостной стеной. И отличалась тюрьма удобствами, невиданными в других московских «мертвых домах» – Центральной пересыльной (Бутырской), губернской (в Малых Каменщиках), исправительной (Матросская улица) и женской (Новинский переулок, 16).

Потолки высоченные, отопление уже в начале XX века стало паровым. Если встать в камере на стол, то и нынче с сердечной тоской лишённого свободы можно обозревать лефортовские окрестности: надзиратели сквозь пальцы смотрели на это безобидное нарушение режима.

В Лефортовском узилище в каждой камере был водопровод с умывальником, а еще клозет со сливным бачком. Роскошь!

Здесь отбывали наказание сто – сто тридцать нижних чинов, хотя камер – двести пятьдесят. Если учесть, что обычно сидели по двое, большинство камер всегда пустовали.

Пройдут годы, и об этом учреждении с ужасом, вполголоса будут говорить москвичи. Эта тюрьма в 1936 году войдет в ведомство НКВД. Тысячи людей, чаще всего безвинных, в годы большевистского лихолетья будут томиться в его крепостных стенах.

...А пока что через Покровку и Старую Басманную на обычном городском лихаче граф Соколов катил на окраину Москвы.

* * *

Соколова встретил корпусной дежурный по фамилии Бурмистров. Это был крупный мужик лет сорока из орловских крестьян, очень добродушный и веселый. За ним установилась кличка Бурмила.

– Сей миг доставлю из девяносто второй. – Негромко засмеялся: – Чудит она, раздевается догола и по камере бегает. Уж и замечания ей говорили, внимания не обращает. Не в карцер же сажать!

– Тебе что? Пусть себе бегает.

– Да пол каменный, холодный, – вздохнул сердобольный корпусной. – Не приведи Господи, простудится.

Когда Бурмила, громяхая сапогами по металлическому, словно подвешенному полу коридора, ввел для допроса Зинаиду Дитрих, она кокетливо улыбнулась, искоса взглянула на сыщика и томно произнесла:

– Граф, как я счастлива видеть вас!

Соколов с доброжелательностью отвечал:

– А я – нет. Предпочел бы встречаться в «Яре» или в директорской ложе Большого театра. Было бы приятно увидеть вас, сияющую красотой, в Дворянском собрании, где с радостью танцевал бы с вами.

За сутки ареста Зинаида успела вся сникнуть, глаза женщины были переполнены печалью.

Соколов с грустью смотрел на несчастную женщину.

– Знаете, какое меня охватывает чувство, когда я прихожу в тюрьму?

Зинаида вопросительно взглянула на сыщика.

– Меня поражает та тоска, безысходная скука, которые словно разлиты в воздухе. Кто-то очень точно сказал: тюрьма – это кладбище живых. Уже через несколько месяцев заключения все арестанты делаются похожи один на другого. Походка у всех тяжелая, движения и мысли вялые, цвет лица болезненно-серый, взор тусклый. – Сыщик сочувственно посмотрел на собеседницу. – Особенно тяжело переносит заключение женщина, привыкшая к хорошей жизни, к изящному обществу. Все нервы натягиваются до крайнего предела. Даже на психике это отражается...

Зинаида, восторженно при последних словах, прислонила палец к губам, едва слышно издала звук «шш...». Подавшись вперед, таинственно прошептала:

– Граф, я вынуждена открыться: я жду от вас ребенка. И любовь моя к вам все растет. Прошу, нет, требую: разделите со мной брачное ложе. Незамедлительно!

И Зинаида стала раздеваться, быстро и ловко расстегивая застёжки и пуговицы, швыряя одежды на пол.

Соколов со спокойным любопытством наблюдал за ней. Зинаида предстала во всей своей блистательной красоте – плотное розоватое тело, крепкие груди с налитыми сосцами, развитые бедра и стройные ноги.

Она легла на диван в самой непристойной позе, поманила:

– Ну, иди скорей, только дверь закрой на ключик!

– Божественная, ласкать ваши перси и ляжки – мечта королей. Но не будем забывать, что сейчас мы не в опочивальне. К моему отчаянию, любовные игры придется отложить на срок, который зависит только от вас.

Зинаида резво села на диване:

– Хочу к себе домой – вместе с вами...

Соколов невозмутимо продолжал:

– Зинаида Васильевна, испытывая душевное к вам расположение, должен вам конфиденциально кое-что сообщить. Многомесячное тюремное сидение отражается на психике. Положим, что болезнь скоропостижно поразила вас. Судя по всему, это паранойя эротика. Говоря по-русски – любовное сумасшествие. В вашем случае налицо все признаки этой болезни, кроме единственного, который обязательно присутствует у всех пораженных этой самой паранойей.

Зинаида поднялась с дивана, вся подалась вперед. Тема разговора явно ее заинтересовала.

Соколов продолжал:

– Я сейчас назову этот признак, и вы сами убедитесь, что болезнь симулировали неумело, без знания дела. Хотя мне глядеть на вас – сплошное удовольствие, можете сидеть раздетой, хотя это несколько сбивает с мыслей.

Зинаида подалась вперед, проговорила:

– Что дальше?

– По исследованиям знаменитого судебного психопатолога доктора фон Крафт-Эбинга, профессора Венского университета, при любовном психическом расстройстве в силу того, что непременно бывает поражена вегетативная нервная система, у больного дрожат кончики пальцев. – Соколов сочинял вдохновенно. – Этот признак – обязательный. А у вас, сударыня, этого главенствующего признака нет. Так что вы – симулянтка!

Зинаида фыркнула, покрутила головой и с иронией произнесла:

– Что, вас сюда пригнали на помощь этому несчастному Мартынову? Я с ним не пожелала разговаривать, не хочу и вас видеть. Все! – Через мгновение: – Дайте папиросу!

Соколов, хотя сам никогда не курил, приносил на допрос для заключенных самые изысканные папиросы. Он протянул запечатанную пачку «Северной Пальмиры»:

– Все ваше!

Зинаида немного подумала, кивнула:

– Спасибо, не откажусь.

Она протянула руку. Соколов увидел, что на сей раз кончики ее пальцев отчаянно дрожат. Сыщик улыбнулся и спокойно, словно вел беседу в светском салоне, доверительным тоном произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.